

89
С. 97

А. Г. Сэйсъ.

1893.

Н. М. ЧУКМАЛАНЪ
17 НОЯБ. 99
МОСКВА.

АССИРО-ВАВИЛОНСКАЯ

ЛИТЕРАТУРА.

СЪ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИМЪ УКАЗАТЕЛЕМЪ ОТЪ ПЕРВОИЗДАВЦА.

25897

ПРОВЕРЕНО

1936 г.

Фундаментальной библиотеки
АЛЕКСАНДРОВСКАГО
Тюменскаго Реальнаго Училища.
Хронол. катал. № 1893.
Счетом. катал. №

Проверено 1963

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

Типографія кн. В. В. Оползискаго, Николаевская, 8.

1879.

89А
С-97

А. Г. Сэйсъ.

1893.

АССИРО-ВАВИЛОНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

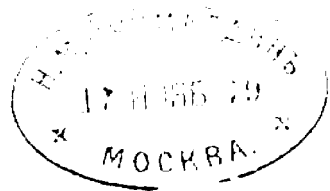
25897

№ 897

1893

1893

СЪ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИМЪ УКАЗАТЕЛЕМЪ ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Типографія кн. В. В. Оболенскаго. Николаевская, 8,
1879.

Довольно цензурою. С.-Петербургъ, 15 марта, 1879 г.

Отъ переводчика.

Едвали какой изъ предметовъ, преподаваемыхъ въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, проходитъ такъ не полно и не соотвѣтственно съ его истинно-научною обработкой, какъ исторія древняго ассиро-вавилонскаго царства; между тѣмъ въ этой области совершаются, благодаря усердно производимымъ въ предѣлахъ древней Ассири-вавилоніи раскопкамъ, все новыя и новыя открытія, вызывающія за собой чрезвычайно любопытныя и во многихъ отношеніяхъ важныя ученныя изслѣдованія. Если же результаты этихъ послѣднихъ остаются, можно сказать, вовсе неизвѣстными у насъ какъ учащимся, такъ и большинству читающей публики, то это объясняется, главнымъ образомъ, отсутствіемъ въ нашей литературѣ книгъ, въ которыхъ были-бы изложены, съ возможною сжатостію, главнѣйшія данныя по древней исторіи внутренней Азіи, добытыя за послѣднее время наукой. По этому, можетъ быть, будетъ признано не излишнимъ появленіе въ русскомъ переводѣ очерка древне—вавилонской литературы, содержащаго выѣстъ и рассказъ о постепенномъ ходѣ изученія ея на западѣ и принадлежащаго перу перваго въ настоящее время ассириолога въ Англіи, Сейса (A. H. Sayce). Такъ какъ чтеніе предлагаемой брошюры можетъ дать нѣкоторымъ изъ читателей желаніе подробнѣе ознакомиться съ излагаемымъ въ ней предметомъ, то переводчикъ предосылаетъ здѣсь списокъ общедоступныхъ, иностранныхъ и русскихъ, книгъ и статей, посвященныхъ древней ассиро-вавилонской исторіи и литературѣ. (За указанія, послужившія намъ для пополненія этого списка, мы приносимъ нашу благодарность профессору Всев. Фед. Миллеру).

Smith (George), Assyria from the earliest times to the fall of Nineveh. 1876.

" " The History of Babylonia, (ed. by the Rev. A. H. Sayce. 1877).

(Ср. Ferd. Justi, Geschichte des alten Persiens, въ „Allgemeine Geschichte“ herausg. von W. Oucke n. 1879).

- Smith (George)**, History of Assur-bani-pal. London. 1871.
 " " " of Sennaherib (ed. by Sayce).
 " " The Chaldean Account of Genesis. 1876. (Нѣмецкiй переводъ Н. Delitsch, George Smith's Chaldäische Genesis. Lpzg. 1876.—Рецензiя Oppert'a на книгу Smith'a въ Götting. Gelehrt. Anzeig. 1876, 11 juli (Stück 28); статья Vigouroux въ Rev. des Quest. historiques. 1876, 1 avril, p. 554, и тамъ-же за октябрь. — Ср. Littré, Fragments de philosophie positive. 1876. p. 295 и Spiegel въ „Ausland“, 1868, № 12, 18, 19, 22).
- François-Lenormant**, Premières civilisations, 1874. (2-й томъ).
 " " 1-er mémoire de mythologie comparée. La légende de Semiramis. Paris. 1873.
 " " Le déluge et l'épopée babylonienne. (Отдѣльно и во 2-мъ томъ „Premières civilisations“).
 " " Les sciences occultes en Asie. I, La Magie chez les Chaldéens et les origines accadiennes. 1874.—II, La Divination et la science des présages chez les Chaldéens. 1875.
 " " La langue primitive de la Chaldée et les Idiomes touraniens. 1875.
 " " Manuel d'histoire ancienne de l'Orient. 1869. 2 vls. (Нѣмецкiй пер. Busch'a, и русскiй Каманина, печатающiйся въ „Кiевскихъ Унив. Извѣст 1876—77“).
- Joachim Ménant**, Les écritures cunéiformes. Paris. 1864.
 " " Annales des rois d'Assyrie. 1874.
 " " Babylone et la Chaldée.
- Oppert et Ménant**, Documents juridiques de l'Assyrie et de la Chaldée. 1877.
- Schrader**, Die Keilinschriften u. das alte Testament. 1872. Giessen.
 D. Assysisch-babylonischen Keilinschriften. Leipzig. 1872.
- Sillém**, D. alte Testament im Lichte der assyrischen Forschungen. I D. Genesis. Leipzig, Otto Schulze.
- Tiele**, D. Assyriologie und ihre Ergebnisse für d. vergleichende Religionsgeschichte. Aus d. holländischen. Тамъ-же.

Нечетные томы (1, 3, 5, 7 и т. д.) изданiя, выходящаго подъ заглавiемъ *Records of the Past*, содержатъ древне-ассирiйскiе тексты въ переводѣ лучшихъ специалистовъ. — Британскiмъ Музеумъ издается, подъ редакцiей Генри Раулинсона (Rawlinson), сборникъ *Cuneiform Inscriptions of Western Asia*, изъ котораго болъшею частiю заимствованы приводимыя въ очеркѣ Сэйса выдержки изъ древне-ассирiйскихъ произведенiй. — Много отдѣльныхъ изслѣдованiй по вопросамъ ассирiологии помѣщается въ *Transactions of the Society of Biblical Archeology*, въ *Zeitschrift d. Deutsch. Morgenländischen*

Gesellschaft, въ Journal Asiatique, въ Zeitschrift für Assyriologie. — О появившихся въ пятидесятыхъ годахъ трудахъ Botta, Layard'a, Opperta, Hincks'a, de Longperier, de Saulcy и др. мы не упоминаемъ, такъ какъ какъ указанія на нихъ встрѣчаются въ приведенныхъ нами выше болѣе новыхъ и популярныхъ сочиненіяхъ.

На русскомъ языкѣ мы можемъ указать по ассириологіи лишь нѣсколько журнальныхъ статей и замѣтокъ; вотъ онѣ въ хронологическомъ порядкѣ ихъ появленія. *Ассирійскія древности* (о раскопкахъ Раулнсона), въ „Русск. Вѣстн.“ 1856, май, 2 кн., стр. 119 — 24. — Въ „Отеч. Зап.“ 1856, сент., въ отдѣлѣ „Новости иностраннаго“, стр. 88—93 и тамъ-же, окт., стр. 449—499, *Березима*, Новѣйшія открытія въ Вавилоніи (на 481 стр. планъ древняго Вавилона). — О Вавилоніи, въ „Спб. Вѣд.“ 1859, № 82. — *Хвольсона*, Памятники древне-вавилонской литературы, въ „Русск. Вѣстн.“ 1859, май, 1 кн., стр. 5 — 37; 2 кн., стр. 181—217; июнь, 1 кн., стр. 409—426 (объ арабскомъ переводѣ нач. X в. по Р. X. нѣкоторыхъ др. вавилонскихъ сочиненій). — *Гаркави*, О древнѣйшемъ городѣ въ мірѣ (Сумирь), въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“, 1872, августъ, стр. 319. — *Буслаева*, Клинообразныя надписи Ахеменидовъ, въ „Русск. Вѣстн.“ 1873, декабрь, стр. 692—726 (по поводу *Коссовича* Inscriptiones palæopersicæ). — *Н. Астафьева*, Клинообразныя надписи, въ „Журн. Мин. Народ. Просв.“, 1876, дек., стр. 171—193. — *Ею-же*, Развалины Вавилона и Ниневіи (Съ двумя планами), тамъ-же 1878, январь, стр. 1—17. — *Стафилевскаго*, Ассирійскія клинообразныя надписи и ихъ значеніе для исторіи народа еврейскаго, въ „Правосл. Обозр.“ 1878, сент., стр. 10 — 36; ноябрь, стр. 424—467; дек., стр. 738 — 766 (статья написана въ духѣ противоположномъ съ направленіемъ въ указанномъ выше изслѣдованіи Шрадера). — *К-аю*, Ниневія, въ „Чтеніяхъ общества любит. духовн. просв.“ 1878, октябрь, стр. 371—91.

ОПЕЧАТКИ.

СТРАН.	СТРОКА.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
1	10	Тиглатъ	Тиглатъ
3	5	Бегистунѣ	Бегистунѣ.
20	14	зодіакѣ	зодіакѣ
"	1	Волу	Волу
28	10—11	аккадскій	аккадскій
30	4	Таммуза	Таммуза
39	15	его изданій	изданій названнаго произведенія,
51	13	поля, землю	поля, разрыхлять на нихъ землю

Умѣнье читать древнія ассиро-вавилонскія клинообразныя надписи составляетъ, безъ сомнѣнія, одно изъ замѣчательнѣйшихъ пріобрѣтеній современной науки. Какихъ-нибудь сто лѣтъ назадъ самое существованіе этихъ надписей было вовсе не извѣстно и насѣчки на экземплярахъ вавилонскихъ кирпичей, изрѣдка вывозившихся путешественниками, считались отнюдь не письменами а предназначеннымъ для украшенія рисункомъ. На вѣковѣчномъ памятникѣ, оставленномъ Даріемъ Гистаспомъ на священномъ бегистунскомъ утесѣ въ память о себѣ и побѣжденномъ имъ неприятелѣ, сэръ Робертъ Керъ Портеръ усматривалъ Пиглатъ-Пилезара и побѣжденныхъ имъ десять вождѣвъ, а Кеппель видѣлъ на немъ изображеніе Эсеири съ ея челядью. Первые точныя копіи съ клинообразныхъ надписей древней Персіи были сняты и изданы старшимъ Нибуромъ, оплатившимся при этой работѣ своимъ зрѣніемъ. Въ 1798 году Тихсень, въ Ростовѣ, высказалъ предположеніе, что знаки, изъ которыхъ состоятъ надписи, суть алфавитнаго свойства и должны читаться отъ правой руки къ лѣвой; между тѣмъ какъ Лихтенштейнъ утверждалъ, что въ ихъ разнообразныхъ сопоставленіяхъ лишь одна часть имѣетъ существенное значеніе, остальное же въ нихъ является для красоты. Однакожь, въ первый же годъ текущаго столѣтія, тогда еще молодой, боннскій ученый Гротефендъ напалъ на слѣдъ, по которому всё шло съ тѣхъ поръ въ лабиринтѣ попытокъ разобрать клинообразныя надписи. Слѣдуя по стопамъ Тихсена, онъ показывалъ, что персидскія клинообразныя надписи писаны съ помощью

алфавита изъ сорока буквъ, при чемъ отдѣльныя слова въ нихъ отдѣлены горизонтальными клинообразными же знаками. Сравнивая различныя надписи, онъ пришелъ къ заключенію, что извѣстное слово, стоящее въ началѣ каждой надписи (въ опредѣленной группѣ знаковъ) и замѣняемое, при иной группѣ, другимъ различнымъ словомъ, но также всегда поставленнымъ въ началѣ надписи, должно было обозначать имя какой нибудь царской особы; а такъ какъ было извѣстно, что постройки въ Персеполисѣ были воздвигнуты царями ахеменидской династіи, то онъ заключилъ, что это было имя Кира или кого нибудь изъ его преемниковъ. Придавая знакамъ, составлявшимъ означенныя начальныя слова въ надписяхъ, гипотетическое значеніе, онъ получалъ имена Дарія, Ксеркса, Артаксеркса и Кира и къ своему удовольствію замѣтилъ, что каждый разъ буква, предполагаемая имъ сообразно его гипотезѣ, оказывалась на требуемомъ мѣстѣ. Такимъ способомъ было опредѣлено извѣстное число буквъ, и вмѣстѣ съ этимъ, слово, слѣдовавшее каждый разъ за царскимъ именемъ, могло быть разобрано въ свою очередь. Оно было прочтано *Khsrayathiya*, вполне соотвѣтственно слову, означавшему въ зендѣ, древнемъ языкѣ Персіи, — «государь».

Такимъ образомъ, благодаря гениальной догадкѣ Гротенда, было положено прочное основаніе для прочтенія персидскихъ надписей; но хотя добытые результаты подтвердили его гипотезу, прошло все таки цѣлое поколѣніе, прежде чѣмъ снова принялись за эту работу и довели ее до конца. А между тѣмъ великій французскій ученый Бюрнуфъ основалъ зендскую филологію, что составило важную помощь для будущихъ изслѣдователей персидскихъ клинообразныхъ надписей. Уже самъ Бюрнуфъ издалъ мемуаръ о Гамаданскихъ надписяхъ; Раску удалось опредѣлить значеніе еще двухъ знаковъ, и, наконецъ, профессоръ Лассенъ въ Боннѣ, — колоссъ въ дѣлѣ изученія востока, — исправилъ результаты, полученные его учеными предшественниками, составилъ довольно полную азбуку изъ 39 знаковъ и перевелъ извѣстныя тогда въ Европѣ надписи. Вслѣдствіе страннаго совпаденія, какъ это часто бываетъ при великихъ открытіяхъ, въ то же время, какъ Лассенъ былъ занятъ въ Боннѣ своими изслѣдованіями, въ Персіи молодой англійскій офицеръ, нынѣ сэръ Генри Раулинсонъ, вполне независимо, пришелъ въ тѣмъ же выводамъ. Имъ же самимъ списанныя Гамаданскія таб-

лицы, высѣченныя на камнѣ, послужили первымъ матеріаломъ для его изслѣдованій, а длинная надпись въ Бегистунѣ, съ ея многочисленными собственными именами, доставила ему возможность окончательно разобрать клинообразную азбуку. При сравненіи алфавитовъ Лассена и Раулинсона было найдено, что они вполне соотвѣтствуютъ между собою, за исключеніемъ всего одной буквы, которой въ нихъ приданы были различныя значенія.

Ключъ къ надписямъ Дарія и его преемниковъ былъ, слѣдовательно, найденъ; оставалось только довершить начатое съ такимъ успѣхомъ. Открытіемъ, что буквы должны выговариваться съ определенными для каждой изъ нихъ гласными, дѣло было закончено по отношенію къ алфавиту; а внимательное сравненіе этого неожиданно открытаго явья съ zendомъ и санскритомъ дало возможность переводить персидскія клинообразныя надписи съ такою же легкостью, какъ любую страницу Ветхаго Завета.

Но изслѣдователю предстояла новая работа. Параллельно персидскимъ текстамъ въ надписяхъ шли еще два другіе, писанныя тоже клинообразными знаками, но которые, однакожь, значительно отличались отъ знаковъ, употреблявшихся персидскими писцами. Слова не были въ нихъ отдѣлены другъ отъ друга, какъ въ ахеменидскихъ текстахъ, и кромѣ того число самыхъ знаковъ, казалось, было неисчерпаемо. Но человѣческій умъ разрѣшаетъ всякія трудности, если только обладаетъ вѣрнымъ методомъ — такъ и въ этомъ случаѣ постепенно разрѣшена была загадка, заключавшаяся въ обоихъ текстахъ, параллельныхъ съ персидскимъ. Дарій находился въ совершенно такомъ же положеніи, въ какомъ, въ наше время, находится какой-нибудь турецкій паша, издающій распоряженіе состоящимъ подъ его управленіемъ жителямъ различныхъ національностей: его указъ долженъ быть написанъ на агглютинирующемъ турецкомъ языкѣ, на арабскомъ языкѣ семитской и на персидскомъ языкѣ арійской семьи языковъ. Такъ это было и во времена древней ахеменидской монархіи. Персидскіе монархи желали, чтобы надписи, такъ заботливо высѣкавшіяся на скалахъ по ихъ повелѣнію, были доступны всѣмъ ихъ подданнымъ, и поэтому персидскій текстъ въ нихъ постоянно сопровождается переводомъ на языкахъ Вавилоніи и Сузіяны. Вавилоняне говорили на томъ же семитскомъ языкѣ, какъ и жившіе на сѣверъ отъ нихъ родственные

имъ Ассиріане, и этотъ ихъ языкъ былъ въ близкомъ родствѣ съ еврейскимъ; но туранское население Сузіаны пользовалось нарѣчіемъ, сходнымъ съ языкомъ нынѣшнихъ Финновъ и Татаръ. Часто попадающіяся въ персидскихъ текстахъ собственные имена дали возможность разобрать и стоявшій съ ними рядомъ текстъ, и тогда было найдено, что обліе заключавшихся въ немъ знаковъ зависѣло отъ того, что онъ былъ написанъ не алфавитными буквами, а знаками, служившими для обозначенія каждаго отдѣльнаго слога.

Разобравши самыя письмена, изслѣдователи съ удивленіемъ открыли, что одинъ изъ обоихъ изучаемыхъ ими текстовъ служилъ для передачи языка агглютинирующей конструкціи, тогда какъ въ другомъ былъ найденъ языкъ, казавшійся почти столь же знакомымъ, какъ языкъ Библіи. Единственная трудность, представляемая вторымъ изъ нихъ, заключалась въ томъ, что одна и та же буква назначалась, по видимому, для обозначенія болѣе, нежели одного звука.

Предположеніе, что это и былъ языкъ употреблявшійся въ Вавилоніи и Ассиріи, подтвердилось совершенно неожиданнымъ образомъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда стояла древняя Ниневія, были произведены раскопки, сначала французомъ Ботта, а впоследствии англичаниномъ Лэйардомъ, при чемъ былъ открытъ цѣлый городъ съ своими дворцами, съ своими скульптурными изображеніями и памятниками древней жизни. Но еще драгоцѣннѣе, чѣмъ расположенные вдоль стѣнъ барельефы, были сопровождавшія ихъ надписи, такъ какъ онѣ оказались написанными такого же рода клинообразными знаками и на такомъ же языкѣ, какъ и семитскіе переводы персидскихъ текстовъ. Поэтому требовалось только времени и терпѣнія, чтобъ проникнуть въ ихъ тайну и истолковать ихъ смыслъ. Нѣкоторыя изъ клинообразныхъ надписей Вавилоніи были уже доставлены въ Англію, и хотя почти наибольшая часть употребленныхъ въ нихъ знаковъ нѣсколько отличались отъ письменъ, найденныхъ въ Ниневіи или Бегистунѣ, однакожъ путемъ сравненія текстовъ изслѣдователю удалось одолѣть всѣ трудности, и д-ръ Гинесъ получилъ возможность прочесть имя Небукаднезара (Навуходоносора) и донесенія, сохранившіяся на стѣнахъ его дворцовъ.

Но едва успѣли первые барельефы изъ Ниневіи возбудить удив-

леніе образованной публики и едва найденъ былъ ключъ въ надписямъ Небукаднезара, какъ были сдѣланы два въ высшей степени поразительныя открытія. Вопервыхъ, въ Ниневіи была открыта цѣлая бібліотека, хотя и состоящая не изъ книгъ, а изъ плитокъ обожженной глины; — тѣмъ не менѣе это было, дѣйствительно, собраніе сочиненій по всѣмъ отраслямъ знанія и наукъ, которыя были извѣстны Ассиріянамъ. Вторымъ было открытіе древняго языка, существованіе котораго никто до тѣхъ поръ не подозревалъ; оказалось, что это языкъ первоначальныхъ Халдеевъ, соиздателей великихъ городовъ Вавилоніи, изобрѣтателей системы клинообразныхъ письменъ и начинателей искусства и цивилизаціи, въ которыхъ Ассиріяне были только ихъ наслѣдниками и подражателями. Этотъ языкъ принадлежалъ къ числу агглютинирующихъ, подобно языку нинѣшнихъ финновъ и турокъ, и въ сущности представлялъ болѣе древнюю форму языковъ того отдѣла, куда принадлежатъ сузіанскія надписи.

На немъ перестали говорить, повидимому, еще въ 17-мъ вѣкѣ до Р. Хр. Монархи, правившіе здѣсь до того времени, именовали себя государями «Сумира и Аккада» или «страны Аккадіянь», и такъ какъ Сумиръ, — называемый въ Библии Синеаръ, — былъ частью страны, прежде всего доставшеюся вторгнувшимся семитамъ, между тѣмъ какъ Аккадъ еще долго считался мѣстопребываніемъ чуждой расы, то большая часть ассиріологовъ и назвали языкъ и жителей первоначальной Халдеи — аккадскими. Эти Аккадіяне играли весьма значительную роль въ умственной исторіи человѣчества, и ими была впервые занесена цивилизація въ западную Азію. Мы можемъ прослѣдить вплоть до нихъ искусства и науки, религіозныя преданія и философію не только однихъ Ассиріянь, но также и Финикійцевъ, Арамеянъ и даже Евреевъ. Изъ Халдеи же вышли зародыши греческаго искусства, а значить и міра греческихъ боговъ и героевъ. Искусство созидать колонны достигло впервые высочайшаго развитія въ Вавилоніи; лѣвы, до настоящаго времени охраняющіе главный входъ въ Микены, рѣшительно ассирійскаго происхожденія, и греческому Геркулесу съ его двѣнадцатью подвигами первымъ образцомъ служилъ герой великаго халдейскаго эпоса. Дѣйствительно, трудно связать, на сколько значительной долей современной цивилизаціи мы обязаны коренастому и узкоглазому на-

роду древней Вавилоніи. Иерусалимъ и Аѳины составляютъ священныя мѣста для современнаго цивилизованнаго міра, но въ нихъ обоихъ оказали глубокое вліяніе идеи, исходнымъ пунктомъ которыхъ былъ первоначальный Аккадъ. Семитъ былъ постоянно посредникомъ и продавцемъ, и торговля умственнымъ товаромъ составляла его самое раннее занятіе. Вавилонія была отличной семитской культуры и семитскаго вдохновенія. Финикійяне всегда считали себя *) колоніей, вышедшей съ береговъ персидскаго залива, а Израилѣитяне свидѣтельствовали, что ихъ праотець Авраамъ былъ рожденъ въ халдейскомъ городѣ Урь.

Почти вся ассирійская литература происходитъ изъ Аккада и заключается въ переводахъ съ мертвaго языка первоначальной Халдеи. Ассиріяны, по справедливости, называли Римлянами древней Азіи, — они были народомъ воиновъ и законодателей, а не мыслителей и ученыхъ. Ихъ искусство, литература и наука были заимствованы, какъ и ихъ письма, изъ Вавилоніи; и когда они обратили, наконецъ, вниманіе на мирныя искусства, то при этомъ они ограничились рабскимъ подражаніемъ ихъ вавилонскимъ образцамъ, и стали устраивать такія же, какъ въ Халдее, бібліотеки, наполняя ихъ сокровищами, похищенными изъ древнихъ книгохранилищъ Эреха, Сиппары и другихъ городовъ. Даже свои храмы они строили, въ подражаніе вавилонскимъ, изъ кирпича, хотя въ Ассиріи камня было въ изобиліи. Глиняная литература Ниневіи также была только продолженіемъ глиняной же литературы аллювальныхъ мѣстностей, лежавшихъ къ югу.

Мы не въ состояніи теперь указать, гдѣ и когда была устроена первая бібліотека въ Аккадѣ. По Берозу, Пантибибла, — городъ книгъ, — была важнѣйшимъ изъ городовъ Вавилоніи въ эпоху, предшествовавшую потопу, и вмѣстѣ родиной Амелона, третьяго въ родѣ баснословныхъ повелителей Халдеи. Ксисутуръ, — халдейскій Ной, — также будто бы закопалъ, предъ наступленіемъ потопа, свои книги въ Сиппарѣ, гдѣ онъ ихъ снова вырылъ по выходѣ своемъ изъ ковчега, — легенда, сложившаяся, кажется, подъ вліяніемъ ошибочнаго словопроизводства для названія города „Сиппара“ отъ се-

*) См. Страбона I, 2, 35; XVI, 3, 4; 4, 27. Юстина XVIII, 3, 2; Плинія Hist. Nat. IV, 36; Геродота I, 1; VII, 89; Схол. къ Гомеру, Одис. IV, 84.

митскаго слова *serhet* — «книга». Библіотека въ Эрехѣ, — нынѣ Варка, — была одной изъ древнѣйшихъ библіотекъ въ Халдеѣ, и ей принадлежали какъ героическая поэма объ Издубарѣ, такъ и повѣствованіе о потопѣ, произведенія, находившіяся въ нѣсколькихъ веземплярaxъ въ ниневійской библіотекѣ. Раскопки на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ лежитъ Варка, приведутъ еще, можетъ быть, къ открытію книгохранилища бывшаго въ Урѣ, столицѣ первой халдейской монархіи. Двѣ легенды — о созданіи міра и о войнѣ великановъ, — составляютъ все, что дошло до насъ изъ библіотеки въ Кутѣ, между тѣмъ какъ изъ библіотеки въ Ларсѣ или Сенкерѣ сохранились разныя математическія таблицы, и доски съ изображенными на нихъ ввадратами и кубами *). Но самая знаменитая изъ вавилонскихъ библіотекъ была находившаяся въ городѣ Аганэ, сосѣднемъ съ Сиппарой; начало ей положено было вѣроятно въ 17-мъ столѣтіи до Р. Хр. царемъ Саргономъ I. Для этой библіотеки было составлено обширное сочиненіе по астрономіи и астрологіи, въ 72-хъ книгахъ, кажется, переведенное на греческій языкъ Берозомъ. Въ настоящее время неизвѣстно даже мѣсто, на которомъ стоялъ городъ Аганэ; но если въ этой части страны будутъ произведены раскопки, то можно надѣяться, что удастся открыть и библіотеку Саргона.

Самъ Саргонъ былъ семитъ и, можетъ быть, первый изъ семитскихъ завоевателей онъ оказывалъ покровительство литературѣ. Аккадскій языкъ уже пересталъ тогда быть народнымъ; въ иныхъ мѣстахъ могли еще, конечно, говорить на немъ, но все таки онъ былъ уже собственно языкомъ ученыхъ, подобно латыни въ средніе вѣка. Поэтому книги, наполнявшія тогдашнія библіотеки, были или переводами съ аккадскихъ оригиналовъ или же составлены на основаніи аккадскихъ текстовъ и, въ обоихъ случаяхъ, изобиловали техническими словами, заимствованными изъ древняго языка. Образованіе было, какъ надо думать, чрезвычайно распространено. Въ дошедшемъ до насъ каталогѣ астрономическихъ сочиненій библіотеки въ Аганэ требуется отъ читателя надписывать номеръ желаемой имъ таблицы или книги, послѣ чего библіотекаръ могъ вы-

*) См. статью автора «Babylonian augury etc» въ Trans. Soc. Bibl. Arch. IV, 2. стр. 311—314. Доски принадлежатъ аккадскому періоду.

дать ему требуемое сочиненіе, — какое лучшее доказательство изъ столь отдаленной эпохи можно имѣть относительно развитія литературы, образованія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, существованія значительной читающей публики? Каждая таблица въ библіотекѣ имѣла опредѣленный номеръ и всѣ онѣ были расположены по отдѣламъ сообразно съ ихъ содержаніемъ. Устройство библіотеки, усвоенное библіотекарями Саргона, — въ Британскомъ Музеѣ хранится перстень съ печатью одного изъ нихъ, — было несомнѣнно результатомъ опытности цѣлыхъ поколѣній. Они просто унаслѣдовали трудъ и мудрость своихъ аккадскихъ предшественниковъ, точно такъ какъ и ихъ повелитель перенялъ устройство правленія и царскія прерогативы аккадскихъ государей. Пользуясь ученымъ архаизмомъ, они дали ему аккадскій титулъ *dadhrum* (виновникъ) и называли его, на родномъ языкѣ, «царь справедливости», «обрътатель справедливости» и «виновникъ благосостоянія». Однакожъ, Саргонъ, имя котораго значитъ «царь получившій утвержденіе», былъ, кажется, узурпаторомъ и происходилъ изъ среды народа. До насъ дошла характеристическая легенда о его рожденіи, которую можно сравнить съ легендами о Персеѣ, Ромулѣ, Моисеѣ и другихъ пародныхъ герояхъ древности. Вотъ что онъ говоритъ въ ней о себѣ: «Моя мать была отвергнута мужемъ своимъ и отца моего не зналъ я, а страну правилъ братъ отца моего. Въ городѣ Ацупарану, на берегу рѣки Евфрата, отверженная мать моя зачала меня и скрытно рожденъ былъ я. Она положила меня въ тростниковую корзину и смолою закрыла отверстія ея. Она предала меня потоку и онъ не потопилъ меня. Потокъ увлекъ меня и принесъ меня къ перевозчику Аѣди. Въ добротѣ сердца своего перевозчикъ Аѣди уберечь меня и какъ собственное дитя онъ, перевозчикъ Аѣди, воспиталъ меня. И сдѣлалъ меня перевозчикъ Аѣди своимъ охотникомъ. И пока я ходилъ на охоту, богиня Истаръ полюбила меня».

Несмотря на эту старинную легенду, связанную съ его именемъ, Саргонъ принадлежитъ къ числу историческихъ государей и до насъ дошли памятники его времени. Куда только не проникалъ онъ ради завоеваній! Онъ побѣдилъ Эламитовъ и Гиттитовъ въ сѣверной Сиріи, воздвигнулъ памятники о своихъ подвигахъ на берегахъ Средиземнаго моря, подчинилъ своей власти независимыя государства Вавилоніи и, подавивъ сильное возстаніе на родинѣ, про-

возгласилъ себя повелителемъ четырехъ странъ свѣта. Сынъ его, Нарамъ-Синъ, слѣдовалъ по пути своего отца и завоевалъ бирюзовыя копи въ Маганнѣ, на синайскомъ полуостровѣ. Подобно римскимъ императорамъ, онъ былъ признанъ своими подданными, побуждаемыми чрезмѣрною лестью, даже за божество, какъ о томъ свидѣтельствуесть надпись на цилиндрѣ изъ чернаго гематита, найденномъ генераломъ Чеснола между сокровищами Куріума. Но блескъ династіи Саргона продолжался не долго. Вторымъ преемникомъ его была королева, которая была потомъ низвергнута съ трона Хаммурагасомъ, вождемъ кассайской орды, вторгнувшейся изъ Элама. Онъ распространилъ свое господство на всю Вавилонію, и Вавилонъ сдѣлался при немъ впервые столицей, сохранивъ за собою это значеніе въ теченіе болѣе, чѣмъ тысячи лѣтъ. Вѣроятно около этого же времени была основана и вавилонская бібліотека, изъ которой сохранился въ оригиналѣ вавилонскій отрывокъ астрономическаго сочиненія, писанный отчасти на папирусѣ, отчасти на обожженной глинѣ. Здѣсь, какъ и вездѣ, папирусъ подвергся разрушительному вліянію времени, и уцѣлѣли только глиняныя таблицы. Большая часть этой бібліотеки была препровождена, кажется, въ Ассирію, послѣ того какъ въ 695 году до Р. Х. Вавилонъ былъ взятъ и разрушенъ Сенхерибомъ. Остальная ея часть, вѣроятно, погибла подъ развалинами Вавилона, во время трехдневнаго его пожара. Бібліотеки же, еще до сихъ поръ, можетъ быть, погребенныя на мѣстѣ, гдѣ нѣкогда стоялъ Вавилонъ, принадлежать уже ко времени Небукадпезара, которымъ, вѣроятно, онѣ и были основаны.

Въ теченіе большей части періода, обнимающаго вторую ассирійскую монархію, слѣдовательно отъ Тиглатъ-Пилезара II до паденія Ниневіи, умственная дѣятельность изъ Вавилоніи перешла въ Ассирію. Вавилонія, потрясенная гражданскими смутами и тревожимая вторженіями непріятели, была не въ состояніи долѣе поддерживать свои бібліотеки и стоявшіе съ ними въ связи університеты и обсерваторіи. Непріятель то и дѣло опустошалъ ее: со стороны персидскаго залива являлись Халдеи, изъ Аравіи кочующіе семиты, съ сѣвера Ассиріане и, наконецъ, Эламиты съ востока,—такъ что Вавилонія была, по истинѣ, ареной борьбы всѣхъ великихъ народовъ Азіи. Когда же наконецъ, Ассиріане завладѣли страной, то все въ ней было уже истреблено огнемъ и

мечемъ—городовъ почти не существовало, а населеніе, казалось, вымерло. Тогда-то ассирійскія книгохранилища возвысились на счетъ вавилонскихъ. Несомнѣнно, что и въ первоначальной ассирійской столицѣ Ассурѣ, нынѣ Калахъ-Шергатъ,—построенной еще въ аккадскій періодъ, какъ это видно изъ ея названія по аккадски «водная мель», была своя библіотека, пока еще составляющая предметъ будущихъ раскопокъ. Но первая ассирійская библіотека, о которой намъ положительно извѣстно, находилась въ городѣ Калахъ, построенномъ Салманассаромъ I, около 1300 года до Р. Х., и ввось воздвигнутомъ Ассурнатсирпаломъ въ 885 году, когда и была устроена въ немъ библіотека, въ которой, между прочимъ, хранился также одинъ экземпляръ обширнаго сочиненія по астрономіи. Этимъ книгохранилищемъ завѣдывалъ Набу-цузупцину, сынъ Меродахъ-мубасы «астронома», отъ шестого года правленія Саргона (716 г. до Р. Х.) до двадцать второго года царствованія Сенхериба (684 г. до Р. Х.); извѣстно также, что въ этой библіотекѣ энергически трудились какъ надъ ея устройствомъ, такъ и надъ перепискою книгъ. Сарданапалу или правилимъ Ассурбанипалу, сыну Ассархадона, истинному «Grand Monarque» Ассиріи и покровителю литературы, суждено было превзойти своихъ предшественниковъ, соединивъ въ своей библіотекѣ въ Ниневіи—нынѣ Буйюнджикъ—избранные литературныя сокровища Вавилоніи и Ассиріи. Не только писцы были прилежно заняты перепискою и переводомъ старинныхъ произведеній; но писались и новыя сочиненія, какъ на ассирійскомъ, такъ и на мертвомъ аккадскомъ языкѣ, изученіе котораго снова тогда оживилось. Такъ, на древнемъ языкѣ составлялись грамматики, словари, фразеологическія руководства; ассирійское же толкованіе словъ или помѣщалось между строками, или же приписывалось съ боку. Съ тѣмъ, чтобы облегчить, въ особенности для иностранцевъ изъ Египта, Лидіи и съ о-ва Кипра, въ большомъ числѣ находившихся при дворѣ Сарданапала, изученіе литературы, были составляемы особые силлабаріи, въ которыхъ были въ опредѣленномъ порядкѣ расположены всѣ знаки клинообразныхъ письменъ. Предписанія, дававшіяся полководцамъ и разнаго рода правителямъ; письма особъ царскаго рода; прошенія представляемыя царю,—все это старательно воспроизводилось въ новыхъ спискахъ и размѣщалось по

опредѣленнымъ отдѣламъ библіотеки. Погибавшая литература Вавилоніи была перенесена въ Ниневію, гдѣ ассирійскимъ писцамъ поручено было заняться перепискою и изданіемъ входившихъ въ нее произведеній. Неизвѣстный дотолѣ текстъ считался наиболѣе цѣннымъ подаркомъ, подносимымъ отъ вавилонскаго города, и былъ пріятствуемъ съ такимъ же одушевленіемъ, какъ всякая классическая рукопись въ эпоху возрожденія. Многократно царь возвѣщаетъ въ самомъ серьезномъ тонѣ, что Небо, «богъ пророковъ», и жена его Тасмитъ, «внемлющая», открыли ему слухъ и просвѣтили взоръ, такъ что онъ не только уразумѣлъ вырѣзанные на таблицахъ знаки и письмена, до него не привлечшіе вниманія ни одного изъ монарховъ, но даже и «самъ начерталъ на таблицахъ и объяснилъ, на сколько то подобало, тайны Небо т. е. произведенія входившія въ книгохранилище,—и помѣстилъ ихъ внутри своего дворца на пользованіе подданнымъ своимъ».

Послѣднія слова ясно указываютъ, какъ широко было распространено общее образованіе и заставляють догадываться, что библіотекари Ассурбанипала не сидѣли, сложа руки. Впрочемъ, они должны были безъ особеннаго труда находить нужныя для читателей книги, такъ какъ библіотека содержалась въ совершенномъ порядкѣ. Дошедшіе до насъ отрывки ея каталога показываютъ, что таблицы, замѣнявшія, какъ мы знаемъ, рукописи, были расположены въ извѣстной системѣ: напр. девять хвалебныхъ гимновъ богамъ помѣщались на западной сторонѣ, а остальные пятнадцать на восточной сторонѣ книгохранилища, причемъ каждая таблица имѣла свой номеръ и особую отмѣтку; а таблицы, трактовавшія объ одномъ опредѣленномъ предметѣ и слѣдовательно составлявшія отдѣльную серію, отмѣчались такимъ образомъ, что въ концѣ каждой изъ нихъ писалась начальная строка цѣлаго произведенія, а иногда и первая строка слѣдующей таблицы. Такъ напр. одна изъ таблицъ, содержавшихъ повѣствованіе о потопѣ, оканчивается припиской: «11-я таблица серіи, начинающейя словами— «герой Издубаръ увидѣлъ источникъ», а далѣе приводится первая строка 12-й таблицы— «и онъ оставилъ клещи въ домѣ прислужника». Эта-то библіотека Ассурбанипала и доставила намъ наибольшую часть изъ того, что мы теперь знаемъ о литературѣ и исторіи Вавилоніи и Ассиріи. Куйюнджиескіе курганы обозначаютъ нынѣ мѣ-

сто дворца, часть котораго занимало названное книгохранилище, и обломки таблицъ, свалившихся изъ верхняго этажа, гдѣ онѣ первоначально хранились, составляютъ драгоценнѣйшія остатки, дошедшіе до насъ отъ ассирійской монархіи. Лейардъ открылъ ихъ впервые въ 1851 году, и тогда же нѣсколько наполненныхъ ими ящиковъ были отправлены имъ въ Англію. Сэръ Г. Раулинсонъ тотчасъ же понялъ истинный ихъ характеръ и значеніе; но только по вступленіи Джорджа Смиса въ Британскій Музей былъ разобранъ послѣдній ящикъ, и обломки были какъ должно рассмотрѣны, снабжены номерами, и трудная работа восстановленія связи между ними была, наконецъ, въ самомъ дѣлѣ исполнена. Открытіе на этихъ таблицахъ цѣлаго ряда отрывковъ различныхъ редакцій вавилонскаго разсказа о потопѣ снова привлекло общественное вниманіе къ ассирійскому вопросу, и г. Смисъ былъ отправленъ, сначала владѣльцами газеты „Daily Telegraph“, а потомъ правленіемъ Британскаго Музея, для возобновленія раскопокъ въ Куйюнджикѣ и для отысканія прочихъ остатковъ отъ библиотеки Ассурбанипала. Къ несчастію, это предпріятіе, сдѣланное въ 1876 году, не удалось; но надо надѣяться, что, не смотря на смерть Дж. Смиса, цѣль его будетъ все-таки достигнута. Многіе изъ находящихся нынѣ въ Британскомъ Музее отрывковъ лишены всякой цѣны, такъ какъ тексты, которымъ они служатъ дополненіемъ, остаются еще погребенными въ ихъ родной землѣ; между тѣмъ какъ другіе изъ этихъ отрывковъ дадутъ намъ только одну половину своего разсказа, прерываясь какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ въ особенности было-бы интересно и важно имѣть продолженіе. Когда обширная ниневійская библиотека будетъ вырыта въ полномъ ея составѣ и приведена въ порядокъ стараніями Британскаго Музея, тогда настанетъ время изслѣдовать болѣе древнія библиотеки Вавилоніи со всей ихъ богатой литературой; изъ которой лишь избранную часть представляютъ произведенія, вошедшія въ коллекцію Ассурбанипала.

Какъ-бы то ни было, въ настоящее время, наибольшую часть нашихъ свѣденій въ вавилонской литературѣ мы будемъ обязаны библиотекѣ Ассурбанипала. Она заключаетъ въ себѣ произведенія разнообразнѣйшаго содержанія, — такъ въ нее входятъ историческія и мифологическія сочиненія; религіозные трактаты; разсуж-

денія по юридическимъ вопросамъ и географіи, по астрономіи и астрологін; поэтическія произведенія; грамматическія и лексикальныя изслѣдованія; списки камней, деревьевъ и животныхъ; копіи съ договоровъ; куческія сдѣлки; прошенія, поданныя царю и, наконецъ, царскіе указы. Таково, въ главныхъ чертахъ, содержаніе этой древней и столь оригинальной бібліотеки. Религіозныя и поэтическія произведенія были, большею частью, переводами съ аккадскаго языка, при чемъ подлинный текстъ писался, обыкновенно, рядомъ съ ассирійскимъ его переводомъ. Теперь мы займемся сначала исторической литературой, значительнѣйшая часть которой, вопреки общему правилу, чисто ассирійскаго происхожденія.

Безъ хронологіи исторія была бы немногимъ больше, чѣмъ сборищемъ безсвязныхъ фактовъ и біографій; но хронологія составляетъ тѣ лѣса, на которыхъ возводится зданіе исторіи. Мы были бы не въ состояніи прослѣдить отношенія между отдѣльными событіями и опредѣлить ихъ развитіе, еслибъ не знали надлежащихъ датъ, къ которымъ онѣ должны быть отнесены. Для историка хронологическая система столь же необходима, какъ рама на полотнѣ для живописца. По счастью, куйюнджикская бібліотека богата хронологическими таблицами. Ассирійская исторія зиждется на прочномъ основаніи, и намъ не захѣтъ воссоздавать ее съ весьма сомнительной помощью генеалогіи или, что еще хуже, простыхъ предположеній. Въ этомъ отношеніи ассиріологъ гораздо счастливѣе египтолога. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ Раулинсону повезло найти между ассирійскими обломками въ Британскомъ Музеѣ остатки нѣсколькихъ экземпляровъ ассирійскаго канона, который съ полною точностью опредѣляетъ преемственную послѣдовательность и годы царствованія позднѣйшихъ монарховъ Ассиріи. Годы обозначаются въ немъ именами извѣстнаго рода сановниковъ, подобныхъ въ этомъ отношеніи аѳинскимъ архонтамъ—эпонимамъ; впрочемъ, въ началѣ обнимаемаго въ немъ періода, канонъ обозначаетъ первый годъ царствованія обыкновенно именемъ самого царя. Конецъ каждаго царствованія въ этомъ документѣ постоянно отмѣчается, въ рядѣ годовъ, широкою горизонтальной чертою. Къ сожалѣнію, эти имѣющіяся въ нашихъ рукахъ отрывки канона не идутъ далѣе 909 года до Р. Х.; но доказательствомъ тому, что правильное лѣтосчисленіе велось въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій и прежде, слу-

жить то обстоятельство, что надписи Раммон-нирари I (1320 г. до Р. Х.) и Тиглатъ-Пилезара I (1120 г. до Р. Х.) обозначены объ также именемъ эпонима. Кромѣ этого канона, обозначающаго лишь просто отдѣльные періоды времени, имѣется еще другой, въ которомъ въ имени или, точнѣе, къ титулу эпонима присоединяется еще перечень главнѣйшихъ событій каждаго года. Изъ этого второго канона мы узнаемъ, что право обозначать годъ своимъ именемъ переходило поочередно между высшими сановниками при ассирийскомъ дворѣ. Едвали можно сомнѣваться въ томъ, что такой способъ лѣтосчисленія посредствомъ эпонимовъ обусловливался практическимъ характеромъ ассиріянь. Во всякомъ случаѣ, у Вавилонянь пока еще вовсе не найдено слѣдовъ подобной системы; между тѣмъ они также имѣли собственную хронологію, а именно они считали время по извѣстнымъ эпохамъ, и въ Британскомъ Музеѣ хранится, въ отрывкѣ, списосъ халдейскихъ государей и династій, въ которомъ годы и мѣсяцы правленія каждаго изъ царей, а также и продолжительность различныхъ царственныхъ родовъ обозначены съ большою точностію. Ассирійскій ученый причислилъ бы, можетъ быть, также къ хронологическому отдѣлу бібліотеки одно замѣчательное произведеніе ассирійскаго происхожденія, въ которомъ кратко приводятся различные войны и договоры между Ассиріянами и Вавилонянами. Но едвали это повѣствованіе было по вкусу вавилонскихъ читателей, такъ какъ симпатіи его автора склоняются слѣшкомъ льно на сторону ассиріянь. Историческія же свѣдѣнія о войнахъ и завоеваніяхъ повелителей Ассиріи, можно прочесть на барельефахъ, украшавшихъ стѣны ихъ дворцовъ или же на глиняныхъ цилиндрахъ, которые у Ассиріянь обыкновенно закапывались въ землю при заложеніи зданій. Но разсматриваемая нами бібліотека содержала и много гораздо болѣе интереснаго для историка нашего времени, нежели подобныя повѣствованія о войнахъ и побѣдахъ. Въ ней хранились письма, которыми обмѣнивались дружественные или враждовавшіе между собою государи; а также и просьбы частныхъ лицъ, донесенія полководцевъ съ поля битвы, различные договоры и, наконецъ, тѣ примѣты, которыя жрецы признавали благоприятными для разныхъ предпріятій царей. Тутъ же сохранялось завѣщаніе Сенхериба, написанное еще прежде, чѣмъ его любимый сынъ Ассархадонъ

сдѣлался наслѣдникомъ престола; въ немъ царь назначаетъ сыну разные браслеты, короны и иные предметы изъ золота, слоновой кости и драгоценныхъ камней. Далѣе, здѣсь находилось оригинальное руководство къ обученію грамотѣ, назначавшееся для одной изъ внучекъ Ассурбанипала, и въ которомъ, между прочимъ предписывается не писать «умници» и не выговаривать «импуци». Получавшіяся царемъ просьбы были чрезвычайно многочисленны. Въ одной изъ нихъ весьма ясно выражается деспотическое могущество царя и рабская преданность его подданныхъ. Въ ней политическій узникъ, по имени Небубалатсу-икби, призвавъ сначала на Сарданапала благословіе разныхъ боговъ, говоритъ: «Зачѣмъ я, уже вторично предношу царю моему просьбу, хотя мнѣ никто не повелѣлъ этого?» и затѣмъ продолжаетъ—«хотя вавилонскіе люди и согрѣшили противъ царя, моего господина, но я не грѣшилъ противъ царя, моего господина», а напротивъ «пошелъ и возвѣстилъ мятежнымъ Арраби царскую волю, говоря, что эта вѣсть къ нимъ прійдется двору по душѣ». Повидимому, названному савоннику поручалось неоднократно вести переговоры между дворомъ и мятежниками, но въ результатѣ оказалось, что, хоть «онъ и припадалъ къ царскимъ стопамъ», однакожь царь убѣдился, что онъ держалъ сторону непріятели, за что онъ и былъ осужденъ на смерть. Но ловко воспользовавшись своимъ богатствомъ, осужденный добился двухдневной отсрочки, и въ этотъ промежутокъ времени удалось настолько смягчить ассирійскаго монарха, что онъ замѣнилъ исполненіе казни заключеніемъ въ темницѣ. Но и это пришлось виновному не по вкусу, и онъ продолжалъ настаивать на своей невинности.

Незадолго до своего послѣдняго возвращенія въ Европу, Дж. Смишъ нашелъ нѣсколько любопытныхъ отрывковъ, которые принадлежатъ, кажется, къ послѣдному періоду вавилонскаго царства. Это—черновые, такъ сказать, экземпляры царскаго воззванія, которыя, однако, не получили окончательной формы и, вслѣдствіе этого, читаются съ трудомъ. Какъ видно изъ нихъ, на сѣверѣ въ то время образовался союзъ, угрожавшій опасностью монархіи. Казтариту изъ Карукасу, тождественный, можетъ быть, съ извѣстнымъ изъ исторіи Кіаксаромъ Мидійскимъ, соединившись съ народомъ Гижирраи или Биммеріянами, а также съ племенами Минни или

Ванъ и Сипарда, жившими на берегу Чернаго моря, напалъ на Ассирію, разбилъ ея войска и захватилъ пограничныя ея крѣпости. Онъ угрожалъ уже Ниневіи, и царь Ассархадонъ, называемый у греческихъ писателей Саракъ, исполненный отчаянія, предписалъ населенію торжественное всеобщее пощеніе. Но боги обратились отъ Ассири, и вскорѣ эта жившая опустошеніями чужихъ земель держава подверглась въ свою очередь самому ужасному опустошенію, а послѣдній изъ ея государей, если вѣрить классическому преданію, погибъ подъ развалинами своего пламенемъ разрушеннаго дворца. Вторая ассирійская монархія просуществовала не болѣе полтора столѣтія. Она основана была Тиглатъ-Пилезаромъ II, который овладѣлъ трономъ въ 747 г. до Р. X. и ввелъ систему сатрапій, усовершенствованную въ послѣдствіи персидскимъ царемъ Даріемъ. Основанная посредствомъ захвата власти, эта монархія все время держалась только убійствами и похищеніями престола. Первые три изъ ея государей, Тиглатъ-Пилезаръ, Салманассаръ и Саргонъ, были счастливыми полководцами, но родственной связи между ними не существовало. Вѣроятно, какъ Тиглатъ-Пилезаръ, такъ и Салманассаръ были умерщвлены; изъ надписей извѣстно, что такова была судьба Саргона и Сенхериба. Послѣ попытки, посредствомъ войны съ двумя своими братьями, удержать за собой престоль, Ассархадонъ отрекся отъ него, между тѣмъ какъ при его преемникѣ Ассурбанипалѣ въ странѣ всникнулъ столь сильный мятежь, что онъ не только поколебалъ Ассирійское царство въ его основаніяхъ, но и былъ причиною паденія этой монархіи, простирившейся отъ предѣловъ Индіи до Лидіи и Нубіи, и проникавшей въ глубь Аравійскаго полуострова и въ сѣвѣнныя области Кавказа, между тѣмъ какъ древнія царства Вавилоніи и Египта признавали себя ея данниками.

Въ первой ассирійской монархіи власть правильно передавалась отъ отца къ сыну; основаніе же ей было положено завоеваніями Ассурнатсирпала и Салманассара II, въ 9-мъ столѣтіи до Р. X. Но это царство поддерживалось единственно при помощи военной оккупации; и едва ассирійскія войска удалялись изъ завоеванныхъ земель, какъ послѣднія производили возстаніе. Правительство не дѣлало ни малѣйшей попытки пересадить въ нихъ учрежденія, существовавшія въ его собственной странѣ, или же совершенно слить

съ нею покоренныя земли; между тѣмъ въ нихъ не измѣнялась даже администрація, и ассирійскіе полководцы довольствовались тѣмъ, что грабили завоеванные города и перевозили ихъ сокровища въ Ниневію. Хотя ассирійскія полчища прошли съ триумфомъ по Месопотаміи и Арменіи, по Вавилоніи и Палестинѣ, однакожь единственнымъ послѣдствіемъ такой траты силъ и жизни было введеніе клинообразныхъ письменъ въ Арменіи и въ западной Месопотаміи. Но между Ассиріянами и подчиненными имъ сосѣдями не происходило никакого общественнаго соприкосновенія или связи, и каждый разъ, какъ только въ самой Ассиріи возникали безпорядки или тронъ доставался не особенно энергичному государю, границы монархіи внезапно суживались до ближайшихъ окрестностей Ниневіи.

Однакожь, Ассурнатсирпаль не былъ первымъ ассирійскимъ царемъ-завоевателемъ. Въ этомъ отношеніи онъ имѣлъ своимъ предшественникомъ Тиглатъ-Пилезара I, время котораго позднѣйшими надписями опредѣляется 1130 годомъ до Р. X. Тиглатъ-Пилезаръ проводилъ свою жизнь въ войнахъ, охотѣ и постройкахъ и остался образцомъ для всѣхъ послѣдующихъ ассирійскихъ царей. Неподалеку отъ Баркемыша, обширной столицы Гиттитовъ, онъ охотился за дикими быками; покоривъ Комагеновъ, онъ проникъ въ Биликію; велъ войну во всей малой Азіи до Галиса, по дорогѣ побѣдилъ народы Мошей и Тибареновъ, упоминаемыхъ въ Библии, область которыхъ простиралась тогда гораздо южнѣе, чѣмъ въ послѣдній періодъ классической географіи, и воевалъ съ Вавилонянами и народами, жившими въ востоку. Но Тиглатъ-Пилезаръ былъ не только завоевателемъ; изъ текстовъ, сохранившихся о его дѣятельности, мы узнаемъ, что онъ также устраивалъ въ Ассиріи ботаническіе сады и старался акклиматизировать въ разведеніе растительнаго царства покоренныхъ имъ странъ. Такъ въ одномъ текстѣ говорится: «Кедръ, ливкариновое и сандалное дерево, которыхъ не разводилъ ни одинъ изъ царей, моихъ предковъ, я перенесъ изъ завоеванныхъ мною земель и насадилъ ихъ въ моей странѣ и назвалъ мѣсто разведенія дѣхъ плантаціями, и я бралъ все чего не было въ странѣ моей, и устроилъ въ Ассиріи плантаціи».

Одинъ изъ предшественниковъ Тиглатъ-Пилезара, Тиглатъ-Адаръ, завоевалъ Вавилонъ около 1270 года до Р. X. и основалъ

въ немъ династію, называемую у халдейскаго историка Бероза—ассирійскою. Такимъ образомъ Ассирія и Вавилонія соединились подъ однимъ скипетромъ, но лишь на нѣкоторое время. Вавилоняне никогда не могли забыть, что они были основателями болѣе древняго государства, въ которомъ Ассирія составляла только одну изъ дальнихъ провинцій, и поэтому тѣмъ неохотнѣе они сносили ассирійское иго. Дѣйствительно, Ассирія стала независимою монархіей только около 17-го столѣтія до Р. Х., когда Халдея была завоевана Каммурагасомъ съ его Куссеями, которымъ тогда и была основана династія, низвергнутая впоследствии Тиглатъ-Адаромъ.

Ассирія получила свое названіе отъ ея первоначальной столицы—Ассура, и еще до нынѣ существуютъ вавилонскіе памятники изъ того времени, когда Ассирія составляла лишь часть обширной полуварварской страны Гутіума—Гойимъ въ книгѣ Бытія—которою правилъ царь Тидаль или Тургалъ. Въ восточной части Гутіума, лежала область Низиръ, гдѣ на высочайшей изъ вершинъ, въ настоящее время именуемой гора Эльвандъ, остановился, по преданію, ковчегъ халдейскаго Ноя.

Начало халдейской исторіи теряется въ баснословной древности. Самыя древнія изъ дошедшихъ до насъ надписей принадлежатъ правителямъ города Уръ, на западномъ берегу Евфрата. Здѣсь была резиденція первыхъ повелителей всей Халдеи, принявшихъ титулъ «царей Сумирскихъ и Аккадскихъ». При Лигъ-Багасъ и его сынъ Дунги были подчинены мелкія государства Вавилонія и произведены грандіозныя постройки, какъ на примѣръ въ Урѣ храмъ въ честь божества мѣсяца. Но и тогда уже семиты проникли въ страну, и Сумиръ или Синеаръ, съ своими четырьмя столицами, перешелъ изъ владѣнія Аккадіянъ въ руки семитскихъ завоевателей. Мало того, даже въ самомъ Аккадѣ могущество древней расы ослабѣвало и паденіе туземной верховной власти въ Урѣ повлекло за собой окончательное низверженіе аккадскаго владычества. Самое названіе Аккадіянъ, что значитъ «горцы», подтверждаетъ предположеніе, что, въ очень давнее время, они спустились съ горъ Элама и подчинили своей власти болѣе мирныя, родственныя имъ племена. При этомъ южная часть страны была занята пришлецами, а въ сѣверной продолжало жить прежнее населеніе; когда же, въ болѣе поздній періодъ, сѣверный Сумиръ заняли се-

миты, то въ географическому отличію между Сумиромъ и Аккадомъ присоединилось еще отличіе по языку. Изобрѣтателями фигуральнаго письма, изъ котораго возникли потомъ клинообразныя письма, были, вѣроятно, Аккадіяне, а не Сумиріяне. По крайней мѣрѣ знакъ, служащій для обозначенія слова «страна», вмѣстѣ значить и «гора», а отсутствіе особаго знака для «пальмоваго дерева» указываетъ, что народъ, изобрѣтшій гіероглифическія письма, еще не былъ знакомъ съ жаркими долинами Вавилона и съ главнымъ изъ ихъ растительныхъ произведеній. Это подтверждается и легендами, которыя выводятъ первыхъ цивилизаторовъ страны, бывшихъ учителями Халдеи въ наукахъ, искусствахъ и письменахъ, съ береговъ Персидскаго залива.

Широко разившійся мѣлъ предшествуетъ дѣйствительной вавилонской исторіи. До потопа насчитывается десять царей, владычество которыхъ обнимаетъ цѣлыя 432,000 лѣтъ; времена-же, слѣдующія за этимъ періодомъ, отведены героямъ, подвиги которыхъ образуютъ предметъ цѣлаго круга сказаній. Рассказывается, что еще раньше потопа изъ моря вышли какія-то странныя существа, полулюди и полурыбы, которыя и научили народы Вавилоніи первымъ основаніямъ цивилизаціи. На сколько мы знаемъ, въ таблицахъ вуйюнджикской бібліотеки находится всего одинъ намекъ на этотъ мифическій рассказъ изъ древней Халдеи. Именно, въ одной ассирійской хрестоматіи древняго языка приводится аккадскій текстъ, въ которомъ говорится, „что они отвели къ водамъ свое божество, и оно испустилось въ обитель даровъ своихъ“. Впрочемъ, вавилонскіе бібліотекари мало заботились, кажется, объ этихъ древностяхъ южной монархіи. Они предпочитали или болѣе увлекательныя похожденія великаго солнечнаго героя, за которымъ еще остается пока названіе Издубаръ, или же исполинскія фигуры Этанны и Нера, тѣни которыхъ владычествовали и въ самой преисподней. Вавилонія допотопнаго періода представляла для нихъ мало интереса въ сравненіи съ Вавилоніей послѣ потопа, когда Ассирія съ ея 350 повелителями, упоминаемыми Саргономъ въ качествѣ его предшественниковъ, могла до извѣстной степени считаться соучастницей въ славѣ мифической Вавилоніи.

Ксисутръ, Этанна, Таммузь и Издубаръ были тѣ четверо ге-

роевъ, которыхъ любили восхвалять поэты и писатели исторической эпохи. Въ особенности Издубаръ, по справедливости отождествляемый Дж. Снисомъ съ Нимродомъ, былъ героемъ безчисленныхъ легендъ и пѣсень. Его походженія образуютъ связующее звѣно въ обширной вавилонской героической поэмѣ, содержащей, между прочимъ, и повѣствованіе о потопѣ и о ковчегѣ, въ которомъ спасся Кисутръ. Поэма состоитъ изъ 12 книгъ, расположенныхъ согласно опредѣленному астрономическому принципу, такъ что каждая книга соотвѣтствуетъ извѣстному знаку зодіака и извѣстному мѣсяцу аккадскаго календаря. Исторія потопа составляетъ эпизодъ 11-ой книги, которая соотвѣтствуетъ знаку водолюбья и «дождливому мѣсяцу» аккадскаго календаря; тогда какъ 6-я пѣсня, изображающая любовь и гнѣвъ богини Истаръ, совпадаетъ съ знакомъ дѣвы занимающимъ шестое мѣсто въ зодіакѣ, и вмѣстѣ съ «мѣсяцемъ странствованій Истаръ». Такое соотвѣтствіе между предметами отдѣльныхъ книгъ или пѣсень и названіями зодіакальныхъ знаковъ и мѣсяцевъ аккадскаго, а не ассирійскаго календаря, ясно указываетъ, что эта поэма была созданіе аккадскаго періода. Это заключеніе подтверждается тѣмъ, что въ началѣ каждой книги ассирійскимъ переписчикомъ помѣщена заключительная строка предыдущей книги, что характеризуетъ тексты изъ аккадскихъ книгохранилищъ. Можно съ увѣренностью сказать, что имѣющійся текстъ есть семитскій переводъ съ несохранившагося болѣе аккадскаго подлинника. Это произведеніе халдейскаго Гомера переноситъ насъ въ самую отдаленную древность, такъ какъ аккадскій языкъ сталъ мертвымъ еще прежде основанія Саргономъ города Аганэ, въ 17-мъ столѣтіи до Р. Х. Однакожь эта поэма въ настоящемъ своемъ видѣ, т. е. съ раздѣленіемъ на 12 книгъ, была произведеніемъ уже послѣдняго періода аккадской литературы, произведеніемъ искусственнымъ, возникшимъ изъ сводной редакціи ранѣе существовавшихъ поэтическихъ повѣствованій объ Издубарѣ и его сподвижникахъ. Самое сказаніе о всемірномъ потопѣ, составляющее отдѣльный эпизодъ въ поэмѣ, есть лишь сокращеніе двухъ различныхъ его версій; это ясно видно изъ того, что иногда въ немъ однѣ и тѣ же выраженія употребляются, вмѣсто перваго лица, въ третьемъ, а мѣстами попадаются и противорѣчія, напр. происхожденіе потопа приписывается то Геа, то божеству солнца, то, наконецъ, Бэлю. Кромѣ того, одно

и тоже повторяется порой въ едва измѣненнѣхъ выраженіяхъ, — такъ что все указываетъ на неумѣло выполненную редакцію. Но въ эпосъ объ Издубарѣ были включены не только однѣ самостоятельныя поэмы о потопѣ; въ остаткахъ отъ библиотеки Ассурбанипала были отысканы отрывки и другихъ столь же самостоятельныхъ поэтическихъ произведеній. Но, очевидно, требовался весьма продолжительный промежутокъ времени для того, чтобъ эти стародавнія поэмы, выработавшись въ законченной формѣ, слились, постепенно, по двѣ и по три въ одно цѣлое, которое, въ свою очередь, было окончательно включено въ обширный рассказъ о подвигахъ Издубара. Подобно всякому національному эпосу, и героическая поэма древней Халдеи нарастала съ большою медленностію, и окончательная ея форма установилась при помощи весьма стариннаго матеріала. Первое возникновеніе легендъ, повѣствующихъ намъ о Кисисутрѣ или объ Издубарѣ, относится, вѣроятно, къ столь отдаленному прошлому, что оно было на половину забыто уже во времена Авраама и государей, правившихъ въ Урѣ.

Издубаръ, очевидно, одинъ изъ солнечныхъ героевъ. Его двѣнадцать подвиговъ обозначаютъ, подобно двѣнадцати подвигамъ Геракла, теченіе солнца въ продолженіе 12 мѣсяцевъ года. Какъ слабѣетъ согрѣвающая сила зимняго солнца, такъ и Издубаръ заблѣваетъ съ наступленіемъ осенняго мѣсяца октября и приобретаетъ вновь свои блескъ и силы не прежде, чѣмъ искупавшись, съ началіемъ года, въ водахъ на востокѣ лежащаго океана. Въ двѣнадцати книгахъ этого героическаго эпоса мы проходимъ черезъ всѣ двѣнадцать знаковъ зодіака: левъ, убиваемый Издубаромъ, соответствуетъ льву въ зодіакѣ; вѣщій Геа-бани, полу-человѣкъ полу-волъ, является къ нему во второй мѣсяцъ аккадскаго года, мѣсяцъ „добраго вола“, — тоже одинъ изъ знаковъ зодіака; Истаръ указываетъ за Издубаромъ подъ знакомъ дѣвы; всеорошающій океанъ былъ достигнутъ въ мѣсяцъ „заходящаго солнца“, и, наконецъ, плачь Издубара надъ трупомъ Геа-бани раздается въ послѣдній въ году „мрачный мѣсяцъ“ Адара, когда близнецы „рыбы Геа“ сопровождаютъ солнце. Дѣйствительно, Издубаръ и былъ первообразомъ греческаго Геракла. Подобно зародышамъ греческаго искусства, можно и первыя сѣмена многого въ греческомъ пантеонѣ и мифологіи прослѣдить до древняго Вавилона, по пути цивилизаціи

и культуры, шедшему поперегъ Азіи, при заботливомъ посредничествѣ Финикій и ея колоній. Геркулесь, это—Мелькартъ, божество солнца, почитавшеся въ Тирѣ, гдѣ его храмъ былъ основанъ уже за 2300 лѣтъ до посѣщенія этого торговаго города Геродотомъ. Исторія Геркулеса была только повтореніемъ болѣе древняго разсказа объ Издубарѣ. Геа-бани, наперстникъ и совѣтникъ халдейскаго героя, тотъ же кентавръ Хиронъ, наставникъ Геркулеса, такъ какъ Хиронъ былъ сыномъ Кроноса, а Кроносъ соотвѣтствуетъ вавилонскому Геа, произведшему на свѣтъ Геа-бани. Левъ, убитый Издубаромъ, это—немейскій левъ, а крылатый быкъ, котораго послалъ Ану отомстить за обиду его дочери,—быкъ острова Крита; тиранъ Хумбаба, пораженный Издубаромъ «въ странѣ сосенъ, мѣстопребыванія боговъ, святилищъ духовъ»,—тождественъ съ тираномъ Геріономъ; сокровища, растущія на деревьяхъ, въ лѣсу по ту сторону «пути къ воротамъ солнца»—яблоки Гесперидъ, и, наконецъ, смертельный недугъ самаго Издубара ничто иное, какъ лихорадка, причиненная Геркулесу отравленною одеждою Несса. Задолго до того, когда греческіе поэты принялись за богатую ткань своей мифологіи, аккадскіе поэты были уже заняты этой работой, и матеріаль у тѣхъ и другихъ былъ одинаковъ. Въ древней странѣ Аккада находилось все то, изъ чего могли впоследствии возникнуть и самая богатая поэзія и самые дикіе образы искусства, и въ открывкахъ эпоса объ Издубарѣ мы имѣемъ поразительно обильный запасъ легендъ и мифовъ. Такъ, изъ нихъ мы узнаемъ, какъ Издубару снилось, что звѣзды упали съ неба къ нему на спину, между тѣмъ какъ надъ нимъ встало чудовище, подобное льву; какъ охотникъ Заиду былъ не въ силахъ увлечь Геа-бани изъ его отшельничества въ дикой пустынѣ, и какъ наконецъ этого вѣщаго мужа, подобно Мерлину, заманили въ Эрехъ двѣ прислужницы богини Истаръ, имена которыхъ значать «благочестивая» и «смѣющаяся»; какъ Истаръ подвергалась насмѣшкамъ по причинѣ своихъ многочисленныхъ поклонниковъ (въ томъ числѣ Тамбузь, юный и прекрасный богъ солнца, Алала, дикій орелъ, левъ, сынъ Селеле и Изулану, и охотникъ); какъ Издубаръ странствовалъ до предѣловъ земли, гдѣ люди-скорпіоны охраняютъ ворота солнца, «вѣянцами своими упираясь въ рѣшетку неба, а ногами ниже самой преисподней», и потому, проникши чрезъ песчаную

пустыню— «тропу солища», къ тому лѣсу, гдѣ на золотыхъ деревьяхъ, какъ въ разсказѣ Виргилія, вмѣсто плодовъ растутъ сокровища, онъ достигъ побережья и воротъ міроваго океана, у которыхъ вѣчно стоятъ на стражѣ двѣ женщины, Сабиту и Сядури— «зракъ юности»; далѣе мы узнаемъ, какъ онъ встрѣтилъ халдейскаго Харона, съ которымъ онъ направился къ рѣкѣ усопшихъ, называемой Датилла, гдѣ и встрѣтилъ, среди остальныхъ тѣней, героя всемірнаго потопа Кисутра; и наконецъ, какъ ядовитая оса причиняетъ смерть Геа-бани, который и пребываетъ въ мрачной и исполненной ужаса преисподней до тѣхъ поръ, пока, по просьбѣ Издубара, явится Меродахъ, богъ солнца, и духъ Геа-бани возстанетъ изъ подъ земли и вознесется на небо, гдѣ герои, подобно сѣвернымъ викингамъ въ ихъ Валгаллѣ, возлежатъ за пиршествомъ и пьютъ чистую «живую воду». Это мѣсто называлось «страною серебрянаго неба», и ниневійскіе придворные поэты возсылали молитвы, чтобы ихъ государь нашелъ себѣ тамъ вѣчную отчизну.

Кисутръ (Хасисатра), герой всемірнаго потопа, былъ возведенъ въ авилонскихъ легендахъ не менѣе самого Издубара. Его имя, но аккадски означающее «солнце жизни», «утреннее солнце», равно какъ и имя его отца Убаратуту, «заревое солнечнаго заката», несомнѣнно свидѣтельствуютъ намъ о его солнечномъ происхожденіи. Мѣстомъ его рожденія былъ Сурипеху или Сурипакъ—Ларавха у греческихъ писателей— знаменитый городъ въ первоначальномъ Аккадѣ. Здѣсь-то Геа, богъ бездны, предупредилъ Кисутра о предстоящемъ въ наказаніе грѣховному человечеству всемірномъ наводненіи и приказалъ ему построить корабль длиною въ 600 локтей, а шириной и вышиной въ 60. Благочестивый Кисутръ внялъ повелѣнію Божію и, принеши жертву богамъ, онъ высмолилъ изнутри и снаружи корабль и вошелъ въ него вмѣстѣ съ своими домашними и слугами, съ своими сокровищами и домашнимъ и полевымъ скотомъ. Семь дней свирѣпствовала буря, и все это время рулевой Бузурь-Садираби, «твердыня могучей горы», направлялъ ходъ ковчега. Неукротимый потопъ залилъ всю землю, и грозовыя тучи гудѣли надъ долинами и надъ вершинами горъ, всюду внося погромъ и опустошеніе. Все, что было живого на землѣ, погибло и даже сами боги удалились въ тревогѣ на высочайшее изъ небесъ— «небо Ану». Постепенно, однакожь, потопъ окончился, и когда Кси-

сутрь открылъ окно своего ковчега, его обдало свѣтомъ. Но повсюду царило страшное опустошеніе, и ничего не было видно кромѣ расхолодившихся волнъ и носившихся по нимъ труповъ. Наконецъ ковчегъ остановился на горѣ Нлизиръ, что значить «міровая гора», откуда Аквадіяне вели начало своего племени и который, подобно Олимпу, они считали мѣстопробываніемъ боговъ и осью неба. Тогда халдейскій Ной выпустилъ изъ ковчега сначала горлицу, а потомъ ласточку; но, какъ значитъ и въ библейскомъ сказаніи, онѣ не могли найтн себѣ мѣста для отдыха и прилетѣли обратно въ корабль Ксисутра. Когда же затѣмъ былъ выпущенъ изъ ковчега воронъ и не возвратился туда, такъ какъ могъ питаться носившимися по водѣ трупами, Ксисутрь заключилъ, что земля уже высыхаетъ, и повиновъ ковчегъ, выпустивъ на всѣ четыре стороны бывшихъ съ нимъ животныхъ. Послѣ того, воздвигнувъ на вершинѣ горы жертвенникъ, онъ излилъ на него семь чашъ вина, и боги «собрались, подобно мухамъ, на жертву», спустившись на землю по радугѣ, какъ по золотистому мосту. Балъ заключилъ тогда съ Ксисутромъ союзъ и далъ клятву, что никогда болѣе человѣчество не будетъ истреблено снова потономъ. Послѣ этого Ксисутрь, подобно библейскому Еноху, вмѣстѣ съ женой и дочерями своими былъ взятъ на небо, тогда какъ остальные приверженцы его направились къ западу и снова поселились въ равнинахъ Вавилона.

Здѣсь происходила и та великая борьба, о которой повѣствуютъ греческіе писатели, — борьба между Титаномъ, Баломъ, Прометеемъ и Огигесомъ съ одной стороны, и Кроносомъ или Геа съ другой. Титанъ, вѣроятно, тоже самое что Этанна, упоминаемый въ надписяхъ и котораго Истаръ видѣла въ преисподней, гдѣ живутъ «водители и побѣдители, пѣвцы и сильные міра, и чудовища безднъ». Этанна, какъ и Ксисутрь, властвовалъ въ Суриппакѣ, и ему были подчинены семь духовъ, подобно тѣмъ геніямъ, которые, согласно восточному сказанію, должны были прислуживать Соломону. Съ помощію этихъ семи духовъ онъ построилъ изъ кирпича городъ, который вѣроятно и былъ тѣмъ самымъ, гдѣ стояла башня, верхушка которой должна была касаться до самаго неба. Однакожь это не была Вавилонская башня; послѣдняя была дѣломъ Сартуліелли «царя священной плотины», и къ постройкѣ ея было приступлено въ мѣсяцъ Тисри, во время осенняго равноденствія. Но сердце сози-

сутръ открылъ окно своего ковчега, его обдало свѣтомъ. Но повсюду царило страшное опустошеніе, и ничего не было видно кромѣ расхолодившихся волвъ и носившихся по нимъ труповъ. Наконецъ ковчегъ остановился на горѣ Низиръ, что значить «міровая гора», откуда Абвадіяне вели начало своего племени и который, подобно Олимпу, они считали мѣстопребываніемъ боговъ и осью неба. Тогда халдейскій Ной выпустилъ изъ ковчега сначала горлицу, а потомъ ласточку; но, какъ значитъ и въ библейскомъ сказаніи, онѣ не могли найти себѣ мѣста для отдыха и прилетѣли обратно въ корабль Ксисутра. Когда же затѣмъ былъ выпущенъ изъ ковчега воронъ и не возвратился туда, такъ какъ могъ питаться носившимися по водѣ трупами, Ксисутръ заключилъ, что земля уже высыхаетъ, и покинулъ ковчегъ, выпустивъ на всѣ четыре стороны бывшихъ съ нимъ животныхъ. Послѣ того, воздвигнувъ на вершинѣ горы жертвенникъ, онъ излилъ на него семь чашъ вина, и боги «собрались, подобно мухамъ, на жертву», спустившись на землю по радугѣ, какъ по золотистому мосту. Бѣлъ заключилъ тогда съ Ксисутромъ союзъ и далъ клятву, что никогда болѣе человѣчество не будетъ истреблено снова потономъ. Послѣ этого Ксисутръ, подобно библейскому Еноху, вмѣстѣ съ женой и домочадцами своими былъ взятъ на небо, тогда какъ остальные приверженцы его направились къ западу и снова поселились въ равнинахъ Вавилона.

Здѣсь происходила и та великая борьба, о которой повѣствуютъ греческіе писатели, — борьба между Титаномъ, Баломъ, Прометеемъ и Огигесомъ съ одной стороны, и Кроносомъ или Геа съ другой. Титанъ, вѣроятно, тоже самое что Этанна, упоминаемый въ надписяхъ и котораго Истаръ видѣла въ преисподней, гдѣ живутъ «вожди и побѣдители, цѣвцы и сильные міра, и чудовища безднѣ». Этанна, какъ и Ксисутръ, властвовалъ въ Сурипакѣ, и ему были подчинены семь духовъ, подобно тѣмъ геніямъ, которые, согласно восточному сказанію, должны были прислуживать Соломону. Съ помощію этихъ семи духовъ онъ построилъ изъ кирпича городъ, который вѣроятно и былъ тѣмъ самымъ, гдѣ стояла башня, верхушка которой должна была касаться до самаго неба. Однакожь это не была Вавилонская башня; послѣдняя была дѣломъ Сартуліелли «царя священной плотины», и къ постройкѣ ея было приступлено въ мѣсяцъ Тисри, во время осенняго равноденствія. Но сердце сози-

солнечнаго свѣта и зиждущагося на немъ порядка есть лишь видоизмѣненная форма той борьбы, въ которой Меродахъ, богъ солнца, вооруженный своимъ мечемъ—молніей и накрывшись свѣтовымъ шлемомъ, сражался съ Тигамать-«бездной» и союзными съ ней семью грозowymi демонами. Всего лишь четыре божественныхъ пса сопровождали халдейскаго Михаила, но враждебный ему демонъ, называемый то «змѣей моря», то «семиглавою змѣей ночи», не въ силахъ былъ состязаться съ нимъ. Серповидный мечъ Меродаха соотвѣтствуетъ «ἄρκτο» греческаго Персея; но отождествляясь, съ одной стороны, со «звѣздою лука», въ другихъ случаяхъ онъ именуется „молніей“, „богомъ огня“, „молніей битвы“, „пятидесятиглавымъ оружіемъ“. Не рѣдко онъ изображается на камняхъ и барельефахъ въ видѣ семизубчатой молніи и называется „геро-емъ, поражающимъ горы“, „тѣмъ, отъ чьихъ рукъ не ускользнуть горѣ“, напоминая этимъ названіемъ—червя „шамиръ“, который, будучи не болѣе ячменнаго зерна, могъ раздробить самый твердый утесъ, почему Соломонъ и воспользовался имъ при постройкѣ храма. Съ помощью этого-то чудеснаго оружія, была побѣждена Тигамать и потомъ подверглась заключенію въ преисподней вмѣстѣ со всѣми своими демоническими помощниками.

Въ небесахъ происходила еще другая борьба, съ незапамятныхъ временъ служившая темою для аккадской поэзіи. Халдеи были народомъ звѣздочетовъ, и хотя многіе изъ ихъ мифовъ чисто соларнаго (солнечнаго) происхожденія, однакожь между ними были и такіе, въ которыхъ безъ труда угадывается ихъ лунный характеръ. Таково дошедшее до насъ замѣчательное сказаніе о борьбѣ семи злыхъ духовъ или, иначе, грозowychъ тучъ съ мѣсяцемъ, и поэтъ, слагавшій его, ясно указываетъ по временамъ, что первоначально оно стояло въ связи съ луннымъ затмѣніемъ. Это было въ промежутокъ отъ 25 февраля по 3 марта, говорить онъ, «когда злобныя божества, мятежные духи, сотворенные нѣкогда въ исподней части неба, возымѣли безбожную мысль, внести свою власть въ область сумерекъ». Поэтъ сравниваетъ ихъ со всевозможными фантастическими образами, въ какихъ намъ представляются облака, и прибавляетъ, что „бѣшенный вѣтеръ въ неистовствѣ заключилъ съ ними союзъ“. Нападеніе было начато „злою бурей, губительнымъ вѣтромъ и, какъ молнія, вырвались они изъ небесныхъ

безднѣ. Низшая область небесъ превратилась тогда въ первобыт-
ный хаосъ, а наверху совѣщались боги, полные страха“. На бо-
жества мѣсяца и солнца, вмѣстѣ съ богинею Истаръ, олицетворяв-
шею за разъ и луну и одну изъ звѣздъ, было возложено проник-
нуть въ низшее небо и начальствовать надъ „небеснымъ воинст-
вомъ“; но когда семь духовъ, представителей зла, напали на бога
луны, то его предательски покинули спутники, — солнце бѣжало въ
свой замокъ, а Истаръ искала убѣжища въ высшихъ небесныхъ
сферахъ. Но „Бэль замѣтилъ, какъ омрачился вдругъ въ небѣ ге-
роическій борецъ, богъ луны“, и послѣдно послалъ своего вѣст-
ника Небо къ Геа, богу мудрости, испросить у него совѣта. Тогда
Геа позвалъ сына своего Меродаха и вѣщаль ему — «ступай, Ме-
родахъ, сынъ мой! Свѣтъ небесъ, о мой сынъ, самъ богъ мѣсяца
омрачился на небѣ и грозитъ исчезнуть съ него. Семь проклятыхъ
духовъ, змѣи бездны, чужды всякаго страха вступили въ нерав-
ный бой съ отражающимъ ихъ мѣсяцемъ». Внявъ отцевскому слову,
Меродахъ, „въ свѣтащихся доспѣхахъ изъ безупречной матерьи и
широкаго покроа“ и „въ блестящемъ, какъ пламя, шлемѣ“ одо-
лѣлъ семь духовъ тьмы.

Таково, въ общихъ чертахъ, поэтическое произведеніе, содержа-
щее эту замѣчательную легенду, и, по счастливой случайности,
оно дошло до насъ и въ аккадскомъ подлинникѣ и въ переводѣ.
Впрочемъ не въ одномъ этомъ произведеніи повѣствуется о семи
злыхъ духахъ. Въ одномъ довольно длинномъ гимнѣ къ богу огня,
сочиненномъ аккадскимъ поэтомъ изъ Эридгу, рассказывается, что
„эти семеро родились въ горѣ солнечнаго восхода и въ горѣ сол-
нечнаго восхода выросли они. Въ глубинахъ земныхъ лежитъ жи-
лище ихъ, и имена ихъ на возвышенностяхъ земли“. Другой поэтъ,
жившій въ болѣе близкомъ разстояніи отъ моря, оставилъ нѣсколь-
ко равняющееся отъ предыдущаго описаніе этихъ ужасныхъ духовъ
въ такомъ родѣ:

„Семеро ихъ! семеро ихъ!
Въ глубинѣ бездны семеро ихъ.
Въ блестя небесъ семеро ихъ.
Въ глубинѣ бездны, во дворцѣ своемъ, росли они;
Не мужскаго пола они и не женскаго.
И бездна служить тропой для ихъ.“

Нѣтъ жены у нихъ, и дѣтей не рождаетъ они,
 Законъ и порядокъ не вѣдомы имъ;
 Мольбѣ и просьбѣ не внимаютъ они,
 Среди терпій горы выросли они,
 (Богу моря) Геа они враждебны.
 На нихъ опирается престолъ боговъ.
 На погубель злымъ положены они въ бурный потокъ,
 Безбожія, безбожія они пренсполнены:
 Семеро ихъ, семеро ихъ,
 Двукраты семеро ихъ“.

Древность этого стихотворнаго произведенія должна быть весьма значительна, такъ какъ оно вошло въ составъ одного сборника, содержащаго въ себѣ тексты магическаго характера и принадлежащаго, какъ ниже увидимъ, въ наидревнѣйшему періоду аккадской цивилизаціи.

Первоначально между божествомъ луны и Истаръ, или „Астаръ-тэ, царицей небесъ съ серповидными рогами“, не существовало никакой разницы, и только впоследствии Истаръ является отдѣльною богиней, отождествляясь съ планетой Венерой. Подобно Афродитѣ и Геатѣ, или Афродитѣ и Артеמידѣ въ классической мифологіи, Истаръ принимаетъ по временамъ двѣ различныя формы—богини любви и богини войны. Луна можетъ почитаться, съ одной стороны, какъ одно изъ исполненныхъ блеска божествъ, блюдущее надъ любовью и рожденіями, съ другой же, какъ царица ночи и преисподней, какъ враждебная и злобная сила. Въ этомъ послѣднемъ значеніи Истаръ была замѣнена богиней Аллатъ, имя, бывшее сначала лишь однимъ изъ эпитетовъ самой Истаръ, и древній аккадскій мифъ, предшественникъ греческаго разсказа объ Афродитѣ и Адонисѣ, передаетъ намъ, что подземная Аллатъ заключила въ преисподнюю свое второе „я“—Истаръ. Богъ солнца, Таммузъ, — имя означающее по аккадски „потомокъ“ или „единородный сынъ“, — былъ любимъ богиней Истаръ, и когда лучезарный богъ погибъ отъ суровости зимы, богиня сошла въ преисподнюю, „страну, откуда нѣтъ возврата“, чтобъ отыскать его. Ужасающе было мѣсто-пребываніе усопшихъ, темное и грязное мѣсто, гдѣ подобно птицамъ сновали духи осужденныхъ, и тлѣніе было ихъ пищей. Здѣсь пребываютъ, подобные призракамъ, образы героевъ древности; здѣсь воз-

сѣдаютъ на тронахъ цари, съ поконъ вѣка властвовавшіе на землѣ, каждый въ своей коронѣ *). У воротъ ада остановилась Истаръ, прося привратника пропустить ее и грозя, въ случаѣ отказа, выпустить мертвецовъ въ видѣ вампировъ. Тогда Аллатъ приказала привратнику впустить Истаръ; но послѣдняя должна была снять съ себя всѣ одежды, чтобы быть „какъ и остальные тѣни“^{*)}, согласно исконному обычаю. Истаръ, вступивъ въ страну мертвыхъ, должна была пройти сквозь семеро воротъ, у каждаго оставляя привратнику часть своего наряда—корону, серьги, ожерелье, плащъ, драгоценный поясъ, застежку и наконецъ самое платье,—и уже совершенно нагая достигла она жилища богини Аллатъ, которая видя ее разоблаченною насмѣхалась надъ нею. Потомъ повелительница царства мертвыхъ приказала одному изъ своихъ тѣлохранителей, демону чумы, поразить Истаръ различными недугами, такъ чтобы болѣли глаза и бока, и ноги и сердце и прочіе члены. Но между тѣмъ какъ пѣнная богиня пребывала среди мрака въ столь бѣдственномъ состояніи, все во вселенной остановилось въ своемъ обычномъ теченіи. Воль не приближался къ коровѣ, жена повинула своего мужа и воинъ отказывалъ въ послушаніи своему начальству. Тогда вѣстникъ боговъ былъ отправленъ къ богу солнца, который обратился за совѣтомъ къ богу луны и къ богу Геа; послѣдній создалъ существо, названное „возрожденіе свѣта“, и послалъ его въ преисподнюю съ требованіемъ объ освобожденіи Истаръ. Когда оно было передано богинѣ Аллатъ, она ударила себя по лбу и укусила себѣ палецъ, «грозя наказать посланца боговъ самыми удручающими муками, при чемъ пищею служилъ-бы ему цементъ городскихъ зданій, а питіемъ стекающія изъ нихъ нечистоты, а тѣнь отъ темницы замѣняла-бы ему покрывшу, жилищемъ же ему были бы зубы стѣнъ». Въ то же время Аллатъ повелѣла своимъ тѣлохранителямъ открыть таблицы будущаго, замыкавшія сводъ ея дворца, посадить духовъ земли на ихъ золотомъ тронѣ, дать Истаръ выпить живой воды и отвести ее обратно чрезъ семь воротъ преисподней. Въ важдыхъ воротахъ Истаръ получила назадъ оставленные ею прежде уборы, подобно тому какъ прибывающій

*) Исаія, XIV. 9, 10.

мѣсяцъ снова пріобрѣтаетъ служащее ему украшеніемъ сіяніе, котораго онъ былъ лишень въ продолженіе семи дней, въ послѣднюю четверть.

Преждевременная смерть постигла Таммузза близъ Эридгу, въ темномъ лѣсу, „въ глубь котораго не проникалъ нието изъ людей“. Здѣсь было мѣстопробываніе Зигары, праматери боговъ и людей; здѣсь же находился и „пуць земли“ и „священная храмина“ боговъ. При „обильныхъ водахъ“ канала росло въ томъ лѣсу „исполинамъ дающее тѣнь дерево“, сходное съ Игдразилломъ сѣверной миеологіи, и вѣтви котораго „изъ свѣтятся хрустала“ опускались въ самую „бездну“. Какъ и составитель гимна въ богу огня, поэтъ, оставившій намъ отрывки разсказа о Таммузѣ и объ исполинскомъ деревѣ, былъ также родомъ изъ города Эридгу, получившаго названіе отъ своего дугообразнаго вида и лежавшаго не подалеку отъ устья Евфрата, въ южной Вавилоніи.

Изъ другихъ стихотворныхъ произведеній, дошедшихъ до насъ, можно упомянуть еще объ одномъ, хотя и остальныхъ представляютъ большой интересъ и значеніе какъ для миеологіи, такъ и для исторіи религій. Содержаніе упомянутаго произведенія взято изъ области «миеологической зоологіи»,—по удачному выраженію профессора де-Губернатиса,—и живо напоминаетъ намъ греческій мифъ о Терей и Филомелѣ. Въ немъ описывается превращеніе бога Лугаль—турда («доблестный царь») въ птицу—Цу, родъ хищной птицы, аккадское названіе которой значитъ «птица божественной грозовой тучи»; далѣе, мы узнаемъ, что богъ, непоколебимый въ сердцѣ своемъ, не перемѣнилъ своего рѣшенія, но одинокій и безпомощный, улетѣлъ въ горы, гдѣ и взялъ себѣ въ жены «богиню благоуханій, господствующую въ Тигъ-Эниѣ». О причинѣ его бѣгства разсказывается въ другомъ мѣстѣ. Богъ Цу похитилъ у Гела—«отца боговъ», «корону его величія», «одежды божества его» «сврижали судьбы» и «тайны» его и другихъ боговъ. Это, очевидно, ни что иное, какъ похищеніе небеснаго огня Прометеемъ, и въ аккадскомъ названіи птицы, въ которую превращается богъ Лугаль—турда, мы безъ труда открываемъ молнію, похищенную богомъ съ небесъ и принесенную имъ на землю для того, чтобы дать человѣчеству возможность постигнуть соврєенныя цѣли божества. Когда халдейскій Прометей, улетѣвши, скрылся, повергнувъ

передъ тѣмъ все во мракъ, богу воздуха, «могущественному свѣту», дано было порученіе преслѣдовать и уничтожить его; но онъ, однакожь, не могъ выполнить своей задачи, и она выпала тогда на долю «богу Небо» — полуденному солнцу. Лугаль-турда остался, тѣмъ не менѣе, бессмертнымъ, и мечь боговъ ограничилась превращеніемъ его въ птицу.

Таковы были нѣкоторые изъ мѣоовъ, переработанные поэтами туранской Вавилоніи въ стихотворныя произведенія. Вліяніе послѣднихъ удержалось еще весьма долго послѣ того, какъ самый языкъ, на которомъ онѣ слагались, вышелъ изъ употребленія; онѣ постепенно стали извѣстны съ одной стороны грекамъ, съ другой финикіянамъ и евреямъ, и такимъ образомъ сдѣлались наслѣдіемъ всего цивилизованнаго человѣчества. Время ихъ происхожденія едва можетъ быть угадано. Поэтическое сказаніе объ Издубарѣ не можетъ быть древнѣе составленія аккадскаго календаря, который въ свою очередь не могъ возникнуть позже 2,300 года до Р. Х., что видно изъ того, что онъ начинается со знака овна; кромѣ того положительно извѣстно, что на аккадскомъ языкѣ перестали говорить еще до начала 17-го столѣтія до Р. Х., а между тѣмъ самыя древнія изъ дошедшихъ до насъ каменъ носятъ изображенія не только всѣхъ подвиговъ Издубара, но также и другихъ мѣоовъ. Поэтому, мы едва ли много ошибемся, отнесши составленіе названнаго эпоса ко времени около 2,000 года до Р. Х., а вошедшихъ въ его составъ отдѣльныхъ сказаній къ ближайшимъ предшествовавшимъ столѣтіямъ. Такъ что періодъ процвѣтанія аккадской поэзіи долженъ прійтись на время за 4,000 лѣтъ до Р. Х., когда мѣоы, коренившіеся въ разныхъ явленіяхъ природы и представлявшіе нѣкогда реальный, весьма опредѣленный смыслъ, значительно уже поблекли и перестали пониматься, сдѣлавшись предметомъ безчисленныхъ балладъ и гимновъ.

Несмотря на это часть древней халдейской литературы, сохраненной намъ переписчиками для библіотеки Ассурбанипала, восходитъ еще къ болѣе отдаленному времени. Благодаря проникательности Ленормана, мы можемъ возстановить изъ отрывочныхъ останковъ единственной Ассирійской библіотеки «молитвенники», принадлежащія къ двумъ послѣдовательнымъ ступенямъ въ развитіи религіи и къ двумъ совершенно различнымъ общественнымъ эпохамъ. Эпи-

ческому вавилонскому періоду предшествовало время, соответствующее ведическому эпохѣ въ Индіи, въ которое были составлены какъ гимны въ честь боговъ, такъ и гимны служившіе выраженіемъ благоговѣйнаго чувства молящихся. Хотя эти хвалебныя пѣсни всѣ на аккадскомъ языкѣ, но онѣ принадлежатъ къ періоду, въ который семиты уже поселились въ странѣ, и начали оказывать въ ней вліяніе, въ тоже время, съ своей стороны, поддаваясь вліянію своихъ болѣе цивилизованныхъ сосѣдей. Несмотря на свою образованность, аккадіане придерживались, однаковъ, шаманизма: подозрѣвая присутствіе какого-нибудь «духа» въ каждомъ предметѣ и въ каждой силѣ природы, они вѣрили, что ихъ жрецъ или, точнѣе, колдунъ во власти причинить добро или зло при помощи разнаго рода магическихъ и волшебныхъ средствъ. Мало по малу, произошла переи́нна, и современемъ изъ высшихъ божествъ, сложилось нѣсколько соединенныхъ іерархической связью троиць, а безчисленное множество прежнихъ духовъ смѣшались окончателно съ 600-ми земныхъ и 300-ми небесныхъ духовъ. Произошла значительная религіозная реформа и религіозныя воззрѣнія Аккадіанъ и Семитовъ пришли въ соглашеніе: жрецъ замѣнилъ колдуна, отвлеченное обожаніе—идолопоклонство. Большая часть Аккадскихъ гимновъ сложились именно въ то время, когда возникло движеніе этой религіозной реформы. Правда, многое въ нихъ относится къ болѣе ранней эпохѣ и болѣе или менѣе рѣзко отражаетъ въ себѣ шаманизмъ прошлаго времени; все же остальное есть уже произведеніе вдохновенія новаго времени, когда натуралистическое происхожденіе мифовъ, въ такомъ изобиліи создаваемыхъ вначалѣ, было забыто, и новыя божества были признаны въ силахъ свѣта и гармоніи,—божества солнца, луны и неба. Въ этихъ хвалебныхъ пѣсняхъ мы встрѣчаемъ совершенно тѣже метафоры, какъ и въ санскритскихъ именахъ Ригъ—Веды, этого древнѣйшаго памятника нашей арійской расы; онѣ то и могутъ служить намъ доказательствомъ того, что природа всѣхъ людей одинакова, не смотря на различіе цвѣта ихъ кожи или устройства черепа и что если обстоятельства, окружающія людей, одинаковы, то и результаты приносимые ими будутъ сходны между собою. Возьмемъ для примѣра гимнъ, обращенный къ богу солнца, хотя и очень напоминающій намъ о возникновеніи нѣкоторыхъ мифовъ

изъ невѣрно истолкованныхъ образовъ въ рѣчи, но по формѣ своей, въ концѣ концовъ весьма близко стоящей къ еврейскимъ псалмамъ. Поэтъ начинаетъ его такимъ образомъ:

О Владыка, ты который разсѣваешь мракъ,
Ты, который заставляешь проясниться печальныя лица,
Милосердый боже, ободряющій павшихъ, поддерживающій слабыхъ!
Всѣ великіе боги совершаютъ тебя во свѣтъ,
Всѣ земные духи преклоняются передъ лицомъ твоимъ,
Къ тебѣ направлено всеобщее прославленіе,
Ихъ безчисленныя головы преклоняются передъ свѣтомъ полуденнаго солнца.
Подобно женщинѣ ты покоряешься имъ съ радостью и привѣтомъ;
Во истину ты ихъ свѣтло на отдаленномъ небесномъ сводѣ,
И знаменемъ служишь ты для пространной земли,
Передъ тобой преклоняются люди и ликуютъ по всюду.

Еще поразительнѣе одинъ покаянный псаломъ, словно исторгнутый терзаніями себя обвиняющей совѣсти. Хотя большая часть его сохранилась въ ассирійскомъ переводѣ, но я приведу здѣсь лишь нѣсколько стиховъ изъ него:

О мой богъ, преступленіе мое велико, многочисленны мои грѣхи.
О мой богъ, преступленіе мое велико, грѣхи мои многочисленны.
О моя богиня, преступленіе мое велико, грѣхи мои многочисленны.
О мой богъ, ты знаешь то, о чемъ я не зналъ, что преступленіе мое велико и что грѣхи мои многочисленны.
О моя богиня, ты знаешь то, о чемъ я не зналъ, что преступленіе мое велико и что грѣхи мои многочисленны.

Преступленіе, которое я совершалъ, я его не зналъ,
Когда я грѣшилъ, я не зналъ объ этихъ грѣхахъ,
Я вкусилъ запрещеннаго плода,
И запрещенное поправъ я.
Мой богъ покаралъ меня во гнѣвъ сердца своего,
Въ твердынь сердца своего
Богъ поборолъ меня.
Богиня невзгодой поразила меня и ввергла меня въ печаль.
Богъ, знавшій то чего я не зналъ, ниспослалъ тьму.
Я лежалъ на землѣ и руки никто не протянулъ мнѣ;
Я плакалъ, и никто не взялъ меня за руки.
Я громко кричалъ: никто не пришелъ, чтобы услышать меня;
Я былъ погруженъ во тьму и тревогу и не возсталъ я.
Въ несчастіи моемъ обратился я къ богу; обратился къ нему съ молитвою...

Докопѣ, о боже, я буду еще страдать?

Обрати въ благодать мнѣ грѣхи мои,
 Повели вѣтру разсѣять совершенное мною преступленіе,
 Уничтожь мои многочисленныя страданія, подобно одеждамъ моиѣ.
 О мой богъ, седмижды кратъ семь великия преступленія мои,
 Мои преступленія возстають предо мною.

Послѣ такихъ строкъ непріятное впечатлѣніе производитъ по-
 жѣщенное въ концѣ псалма суевѣрное наставленіе, что въ сле-
 номъ сердечномъ моленіи должно 65 разъ призвать имя каждаго
 изъ боговъ и тогда «спусойдетъ постоянный миръ въ душу».

Этотъ отдѣлъ гимновъ съ болѣе духовнымъ характеромъ при-
 надлежитъ, однакожь, къ эпохѣ, болѣе позднѣй, нежели тѣ гимны
 въ которыхъ еще болѣе или менѣе ясно замѣчаются слѣды шама-
 низма. Въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ Меродахъ, ходатай за людей
 и ихъ благодѣтель, выводится подъ своимъ аккадскимъ именемъ,
 означаемымъ «защитника и дѣлающаго людямъ добро»; онъ исцѣ-
 ляетъ больныхъ и отвращаетъ всякія бѣды, насылаемыя злыми
 духами. Выше упомянутый гимнъ къ богу огня принадлежитъ къ
 этому отдѣлу священныѣхъ пѣсень, какъ и вообще всѣ гимны,
 въ которыхъ упоминается о семи злыхъ духахъ, тождественныхъ
 съ страшными грозовыми тучами. Въ нихъ не рѣдко упоминается
 о магическихъ средствахъ и приводятся мистическія формулы.
 Такъ напримѣръ Меродаху поручается предохранить больного че-
 ловѣка отъ угнетеній домоватаго и отъ нападковъ семи злыхъ духовъ,
 для чего онъ долженъ положить на голову больного, пока онъ
 еще лежитъ въ постели, «изрѣченіе» или «стихъ» изъ одной коро-
 шей книги, и магическій пруть съ надписью «Геа». Въ другомъ
 мѣстѣ предписывается вѣдьмѣ или колдуньѣ сидѣть у постели
 больного, окропляя его, за исключеніемъ лѣвой его сторо-
 ны, волшебной водой, и потомъ обвязать ему голову, бока и
 ноги двукратъ - семью узлами: для Аккадіянъ какъ и для евреевъ
число семь было священнымъ. Впрочемъ всѣ эти примѣры суть
 только остатки суевѣрія, потому что тѣ самыя поэтическія про-
 изведенія, въ которыхъ они встрѣчаются, показываютъ намъ, что
 Аккадіяне признавали уже существованіе извѣстныхъ высшихъ и
 всемогущихъ божествъ, а на злыя силы смотрѣли какъ на подчи-
 ненныхъ демоновъ, державшихъ дѣйствовать только подъ прикры-

тѣмъ ночной темноты. Меродахъ, родъ солнечнаго божества, считался по преимуществу другомъ и помощникомъ людей, всегда готовымъ ходатайствовать за нихъ передъ оскорбленными богами, страдающему же—помочь въ нуждѣ. Поэтому-то возраставшее религиозное сознаніе Вавилонянъ признало въ лицѣ Меродаха посредника и искупителя, а это уже въ свою очередь заставляеть предполагать въ нихъ сознаніе грѣховности. Изъ такого сознанія выросло далѣе и понятіе о расплатѣ за грѣхъ въ лицѣ своихъ близкихъ и вѣра въ первобытную чистоту и непорочность человѣческаго рода, утраченныя имъ, благодаря опутавшимъ его искушеніямъ змѣи Тихаматъ. Въ отрывкѣ одного изъ аккадскихъ гимновъ описывается какъ одинъ грѣшникъ жертвуетъ всѣмъ, что есть у него дорогаго и любимаго, не исключая собственнаго ребенка, за грѣхъ души своей; и отдаетъ «голову своего ребенка за свою собственную голову, лицо ребенка за свое собственное лицо, грудь ребенка, за свою собственную грудь»; а въ одномъ мѣстѣ извѣстнаго уже намъ большаго астрономическаго произведенія читаемъ, что невинная жертва подвергалась сожженію. Изъ этого слѣдуетъ, что жертвы, приносившіяся Молоху Семитами, не были ихъ собственнымъ изобрѣтеніемъ, а перешли къ нимъ какъ и многое другое отъ туранскихъ народовъ, населявшихъ Халдею.

Подобно Ригъ-Ведѣ въ Индіи, гимны религиознаго содержанія были также собраны и въ Вавилонѣ, и по этому сборнику читались молитвы при аккадскомъ богослуженіи; впрочемъ со времени образованія этихъ гимновъ, прошло не мало времени, прежде чѣмъ они приобрѣли религиозный характеръ и стали официально считаться священной книгой у аккадскихъ жрецовъ. Когда же вполнѣдствіи образованность Аккадіянъ перешла въ руки ихъ семитскихъ завоевателей, религиозныя творенія подверглись вліянію семитскихъ идей и вѣрованій и, ставши достояніемъ новой расы, онѣ сдѣлались принадлежностью религиознаго культа Вавилонянъ и Ассирійянъ. При этомъ, по видимому, ограничивались суевѣрнымъ поклоненіемъ одной буквѣ и неосмысленному произношенію священныхъ текстовъ; и хотя съ теченіемъ времени къ этимъ текстамъ прибавился семитскій или ассирійскій переводъ, но жрецы все таки продолжали передавать ихъ на мертвомъ древне-аккадскомъ языкѣ. Съ этимъ ори-

финальнымъ явленіемъ можно сравнить латинское богослуженіе въ римско-католической церкви; также и арамейскія толкованія, сопровождавшія въ позднѣйшее время тексты еврейской библіи, представляютъ нѣкоторое сходство съ ассирійскими переводами аккадскихъ гимновъ. Рядомъ съ этимъ религіознымъ сборникомъ употреблявшимся самими жрецами, существовалъ еще другой сборникъ стародавнихъ магическихъ формулъ и заклинаній, унаслѣдованныхъ отъ прежняго шаманскаго культа и долго сохранявшихся въ большомъ почетѣ у низшихъ классовъ народа. Въ этомъ старинномъ сборникѣ, вмѣсто божествъ болѣе поздней официальной религіи, мы встрѣчаемъ еще духовъ земли и неба, иногда впрочемъ, уже подъ покровомъ новѣйшихъ вѣрованій. Довольно трудно съ точностью опредѣлить мѣсто, которое осталось за указаннымъ сборникомъ и послѣ религіозной реформы; но такъ какъ составлявшія его заклинанія и т. под. встрѣчаются весьма часто написанными только по ассирійски, безъ аккадскаго подлиннаго ихъ текста, то можно предполагать, что съ ихъ буювою далеко не было связано то благоговѣнное почитаніе, которое сохранялось по отношенію къ древнимъ гимнамъ, и что онѣ были не столько признаваемы, сколько терпимы со стороны жрецовъ. Можетъ быть онѣ заняли такое же мѣсто, какое легенды о святыхъ получили въ латинской церкви. Какъ бы то ни было, но эти заклинанія духовъ хотя и переносятъ насъ въ самый отдаленный періодъ халдейской исторіи, но не всѣ онѣ относятся къ одной той же эпохѣ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ можно даже встрѣтить мѣста изъ священныхъ гимновъ, изъ чего слѣдуетъ заключить, что оба эти періода—магическихъ формулъ и священныхъ гимновъ—до известной степени соприкасаются другъ съ другомъ. Самыхъ формулъ было безчисленное множество. Почти всякое мало-мальски замѣтное явленіе считалось непременно дѣломъ добраго или злаго духа, при чемъ твердо вѣрили въ то, что формула сообщала силу не только отвращать отъ себя зло, но также и насылать его на сосѣда. Такъ, напримѣръ, мы читаемъ слѣдующее: «Отъ того, кто дѣлаетъ изображеніе съ цѣлію повредить человѣку, отъ дурнаго глаза, отъ болѣзни рта и губъ, отъ вреднаго питья—сохрани духъ небесъ! сохрани духъ земли!»... «Отъ сухотки, нездоровья, злаго духа нарывовъ, распространяющаго воспаление горла, отъ

ядовитого вреднаго рака — сохрани, о духъ небесъ! сохрани, о духъ земли!»... Въ другомъ мѣстѣ говорится: «пусть колдунья сядетъ по правую сторону и ворожить по лѣвую; свяжи узлы двукратно-семь разъ и обмотай ими голову больнаго и члены его, словно оковами. Пусть сидитъ она на его постели и обропляетъ его волшебной водой». Иногда формула бываетъ очень подробна, какъ на примѣръ слѣдующая: «Подобно тому, какъ стораецъ это растеніе, и чара должна сжигать горючимъ пламенемъ. Какъ растенію больше не вернуться къ своему стеблю, чтобы пойти потомъ на пищу божества или монарха, такъ пусть случится и съ человекомъ, противъ котораго направлена эта чара. Злобное заклинаніе, указываніе пальцемъ, проклятіе, прегрѣшеніе, недугъ, заключающийся въ моемъ тѣлѣ, или членахъ или зубахъ, все это да уничтожится во мнѣ, на подобіе этой травы, и пожирающій огонь да уничтожить день сей. Да изгонится чара и возвратится въ свое прежнее жилище». Совершенно излишне распространяться о томъ, что эта своеобразная система волшебства удержалась долгое время и послѣ того, какъ и смѣнившая нѣкогда ее религія исчезла въ свою очередь и подверглась забвенію. Въ болѣе позднѣе время «Халдеи», нрѣдко получавшіе доступъ во дворцы императорскаго Рима, все еще продолжали сохранять волшебство и астрологию временъ туранскаго Вавилона. Магію Евреевъ и Гностиковъ, средневѣковыхъ колдуновъ и колдуній можно прослѣдить вплоть до суевѣрій первобытнаго населенія Аккада. Между тѣмъ, какъ болѣе чистая вѣра, проникающая священныя гимны, со временемъ исчезла, магическія формулы и вѣроученія болѣе древняго вульты продолжали существовать почти до самаго нашего времени. Необразованный и неразвитой умъ человека всегда бываетъ жертвой отвратительнѣйшаго суевѣрія, поэтому неудивительно, что, взятое въ цѣломъ, полудварварское общество среднихъ вѣковъ въ Европѣ не особенно отличалось отъ первоначальныхъ обитателей халдейскихъ равнинъ. Послѣдніе оказались однакожь способными къ образованію и дальнѣйшему развитію; тоже самое сдѣлалось возможнымъ и для средневѣковаго общества, когда его пробудилъ свѣтъ Возрожденія. Подобно всѣмъ народамъ, разъ начавшимъ задаваться вопросами о значеніи и причинѣ бытія и вселенной, Вавилоняне также были волнуемы тѣмъ, что можно назвать науч-

нимъ стремленіемъ. Первое чувство, испытываемое ребенкомъ, это — удивленіе передъ всѣмъ, что онъ ощущаетъ и видитъ, и уже за тѣмъ слѣдуетъ чувство любопытства, желанія по возможности узнать причину своихъ впечатлѣній. Такъ и человѣчество, — пока оно находилось въ младенческомъ состояніи, до тѣхъ поръ и отъ вѣты, которые оно себѣ давало, естественно отличались дѣтскимъ характеромъ; но его ростъ всего лучше обозначается все возрастающею способностію объяснять и истолковывать природу, и вмѣстѣ съ тѣмъ все большею изощренностію и тонкостію въ наблюденіи надъ физическими явленіями. Такимъ образомъ по необходимости научная дѣятельность обуславливалась первоначально одной любознательностію. За отсутствіемъ научнаго метода, изслѣдователь сбивался съ толку своими же собственными приѣмами и предположеніями; результатомъ этого было ложное знаніе съ безчисленнымъ множествомъ суевѣрій и предрассудковъ. Но, во всякомъ случаѣ, систематическое и упорное изслѣдованіе тайнъ природы никогда не остается безплоднымъ, и потому въ массѣ ложнаго знанія древнихъ Халдеевъ заключались и сѣмена истины и блестящихъ открытій, совершить которыя выпало на долю нашего столѣтія. Справедливо говорятъ классическіе писатели, что Вавилонія была родиной астрономіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, по необходимости, и отцовой математики и перваго правильнаго календаря. Авадьяне уже твердо держались принципа, что для каждаго явленія существуетъ причина, хотя часто, съ излишнею поспѣшностію, они усматривали причины тамъ, гдѣ ихъ и не было. Ихъ цифры были, сравнительно, просты, и благодаря этому они достигли значительныхъ успѣховъ въ математикѣ. Они принимали 60 за единицу и въ высшихъ исчисленіяхъ считали ее невыраженнымъ кратнымъ. Ихъ дроби были по двенадцатой системѣ, всегда съ предполагаемымъ знаменателемъ 60. Библиотека въ Ларсѣ или Сенкерѣ была знаменита математическими сочиненіями, для изученія которыхъ туда стекались со всѣхъ сторонъ. Нѣкоторыя таблицы этой коллекціи находятся въ настоящее время въ Британскомъ Музеѣ, и между ними можно видѣть квадраты и кубы. Для нашихъ математиковъ можетъ быть интересно узнать, что π считалось почти за 3, и что мы въ этихъ таблицахъ наталкиваемся также и на ~~свидѣ~~ халдейскаго Евелида съ геометриче-

скими фигурами. Главнымъ же образомъ ученые въ Акадѣ посвящали свою жизнь на служеніе астрономіи. Обсерваторіи были устроены въ каждомъ городѣ, и чрезъ посредство царскаго астронома изъ нихъ посылались донесенія самому царю черезъ вѣжды двѣ недѣли. Огромное сочиненіе по астрономіи въ 72-хъ книгахъ, о которомъ говорено было выше, было собрано для бібліотеки Саргона I въ Агана, и къ нему были присоединены также сочиненія и наблюденія предшествовавшихъ столѣтій. Оно было озаглавлено «Наблюденія Бѣла», потому что видимое небо, въ которомъ находились звѣзды, считалось сферой Бѣла и было вездѣ извѣстно подъ его именемъ. Надъ небомъ Бѣла простиралась высшая сфера Ану, а подъ ними земная—бога Геа. «Наблюденія Бѣла, пользовались чрезвычайнымъ уваженіемъ у Вавилонянъ и Ассиріяняъ и были переведены на греческій языкъ историкомъ Берозомъ. Въ Британскомъ Музѣе есть экземпляры многихъ его изданій составленныхъ для бібліотеки въ Ниневіи; но вѣроятно отъ времени и отъ употребленія, оригиналъ, съ котораго дѣлались списки былъ очень изношенъ, потому что безпрестанно попадаются замѣтки «прѣбѣлъ» или «стерто». Оглавленіе, приложенное къ сочиненію, все же доказываетъ, что большая часть его имѣла чисто астрологическій характеръ, хотя нѣкоторые отдѣлы въ немъ были изложены и болѣе научно. Такъ есть одна глава о соединеніи солнца и луны, другая—о кометахъ, или, какъ ихъ называли, «звѣзды съ короной впереди и съ хвостомъ назадъ», третья—о движеніи Венеры и четвертая—о полярной звѣздѣ. Время отъ времени трудъ обогащался новыми наблюденіями. Въ главѣ о кометахъ мы находимъ примѣчаніе, въ которомъ говорится, что, когда Навуходоносоръ I около 1150 г. до Р. X. вторгнулся въ Еламъ, явилась комета, ядро которой было свѣтло какъ день; между тѣмъ какъ отъ ея блестящаго тѣла тянулся хвостъ, подобный жалу скорпіона. Она двигалась отъ сѣвера къ югу и ее считали предвѣстницей счастья. Въ дѣйствительности, однакожъ, «Наблюденія Бѣла» служили болѣе для гаданія, чѣмъ для рѣшенія астрономическихъ задачъ. Вообще существовало убѣжденіе, что событіе, слѣдовавшее за какимъ нибудь явленіемъ должно повториться при возобновленіи того-же самого явленія. Научный инстинктъ заблуждался, находя связь между причиной и слѣдствіемъ тамъ, гдѣ была только по-

го свода и сгруппировать созвѣздія. Изъ этихъ картографическихъ остатковъ видно, что экваторъ раздѣлялся на 240, а эклиптика, весьма образно названная «яро небеснаго свода», на 360 градусовъ. Линіи, проведенныя черезъ полюсъ эклиптики, прямоутольно перерѣзывали экваторъ, образуя въ небѣ отдѣльныя части, отличавшіяся по имени главной изъ находящихся въ нихъ неподвижныхъ звѣздъ. Созвѣздія, въ которыя послѣднія были сгруппированы, получили названія, изъ которыхъ многія удержались до нашего времени. Даже «млечный путь» довольно мѣтко назывался «Mag-gidda—длинный путь», названіе, сходное нѣсколько съ употребляемымъ у насъ. Между всѣми звѣздами планеты естественно привлекали къ себѣ наибольшее вниманіе. За исключеніемъ земли, было извѣстно всего только пять планетъ; такъ что Нептунъ и Уранъ, а также и астероиды были лишены имени, пока изобрѣтеніе телескопа не помогло ввести и ихъ въ кругъ человѣческихъ знаній. Есть впрочемъ нѣкоторыя данныя, позволяющія предполагать, что халдейскіе астрономы употребляли при своихъ наблюденіяхъ нѣчто въ родѣ зрительныхъ трубъ. Одно изъ названій данныхъ Марсу было «исчезающая звѣзда», какъ бы въ намекъ на отдаленность его отъ земли; хотя это названіе позволяетъ заключать лишь о наблюденіяхъ надъ движеніями названной планеты, но въ виду того, что въ одномъ изъ отчетовъ, входящихъ въ собраніе Саргона, говорится, что Венера «восходитъ и въ своемъ теченіи правильно возрастаетъ въ объемѣ», можно думать, что были уже открыты и фазисы планетъ. Такъ-какъ Лѣйардъ нашелъ въ Ниневіи увеличивающее чечелицеобразное стекло, то есть основаніе предполагать, что какой-то родъ оптическихъ приборовъ былъ знакомъ халдеямъ. На одной изъ таблицъ, сообщающихъ о движеніяхъ Венеры, говорится, что хотя свѣдѣнія эти взяты изъ «Наблюденій Бѣла», но настоящій подлинникъ ихъ уже больше не существуетъ,—изъ чего мы можемъ составить себѣ нѣкоторое понятіе о томъ, какимъ именно образомъ составилось названное объемистое произведеніе. Впрочемъ, вѣроятно, существовало множество астрономическихъ наблюденій и другихъ документовъ, не вошедшихъ въ составъ этого сборника; къ ихъ числу, можетъ быть принадлежала и оригинальная, аккадскаго періода, таблица съ лунными долготами, хранящаяся нынѣ въ Британскомъ Музѣ.

Но не слѣдуетъ думать, что занимаясь столь тщательно астрологіей, въ Вавилоніи не прибѣгали и къ всевозможнымъ средствамъ для узнавія будущаго также по тѣмъ событіямъ и происшествіямъ, которыя случались и на поверхности земли. Въ самомъ дѣлѣ за предназначенія принимались всѣ возможные и невозможные случаи, замѣченные путемъ предшествовавшаго опыта. Саргонъ въ Аганѣ одинаково интересовался и псевдо-наукою о земныхъ предназначеніяхъ и астрологіею, такъ-что подъ его руководствомъ было составлено сочиненіе подъ стать «Наблюденіямъ Бѣла». Въ него вошли таблицы всякаго рода примѣтъ, рожденій, сновидѣній, наблюденій надъ звѣрями и птицами, однимъ словомъ всего, что только можетъ приключиться въ жизни; и даже геометрическія фигуры халдейскаго Евклида получили значеніе гадательныхъ знаковъ. Суевѣрный Вавилонянинъ едва-ли пріятно проводилъ свое время, потому-что все, что бы онъ ни сказалъ или ни сдѣлалъ, все, что бы съ нимъ ни случилось, было связано съ ровными и болѣе или менѣе ужасными послѣдствіями. Эта призрачная наука была частью того наслѣдства, которое онъ получилъ еще отъ того времени, въ которое шаманизмъ былъ религіей страны, а предшественная съ тѣхъ поръ перемѣна въ религіозныхъ возрѣніяхъ отнюдь не улучшила, въ указанномъ отношеніи, положенія вѣрующаго туземца. Мѣсто шамана или жреца занялъ упрямый *saman*, къ тому же не имѣвшій той власти отвращать предсказываемое имъ зло, какою обладалъ жрецъ. Нѣкоторыя изъ предназначеній довольно удобопонятны,—такъ на примѣръ: «видѣть во снѣ яркій свѣтъ означаетъ пожаръ въ городѣ» и «видѣть развалившійся домъ предвѣщало бѣду для его жильцовъ». Вавилоняне съ величайшей заботливостью наблюдали и обдумывали каждый шагъ своихъ ручныхъ, домашнихъ собакъ. Такъ говорится: «если желтая собака вступить во дворецъ, то выходъ изъ него будетъ несчастливъ»; тогда какъ, если туда войдетъ «пестрая собака», то во всемъ надо ждать удачи. Собака проникнувшая во дворецъ и улегшаяся на стулѣ предвѣщала, что дворецъ скоро сторитъ. Въ длинномъ спискѣ, содержащемъ предназначенія при рожденіи ребенка, всѣ возможные и невозможные случаи перечисляются съ самой мелочною аккуратностію. Этотъ списокъ начинается слѣдующимъ образомъ: «Если у женщины родится ребенокъ съ львинымъ

ухомъ, то это означаетъ, что въ странѣ будетъ сильный царь. Если же у ребенка не будетъ доставать праваго уха, то царь этотъ будетъ долго жить. Если у него совсѣмъ не будетъ ушей, то непріятель займетъ страну и покорить ее. Если правое ухо ребенка будетъ малыхъ размѣровъ, то домъ мужа подвергнется раззоренію; если же оба уха малы, то домъ мужа будетъ выстро- снъ изъ кирпича», и далѣе слѣдуетъ цѣлый рядъ въ такомъ же родѣ нелѣпныхъ подробностей. Можно упомянуть еще развѣ слѣдующую примѣту: «если у ребенка носъ будетъ походитъ на птичій клювъ, то страна будетъ порабощена; если же носъ будетъ безъ ноздрей, то страна подвергнется вторженію непріятели и домъ отца дитяти будетъ разрушенъ». Упоминается даже такой случай, который при всей его желательности, къ несчастію, на врядъ-ли когда нибудь можетъ случиться, а именно — «если отъ овцы родится львенокъ, то это обозначаетъ, что многочисленныя войска двинутся въ походъ и царь не будетъ себѣ имѣть соперниковъ».

Чувствуешь облегченіе, когда отъ всего этого вздору, до котораго ниспалъ древній шаманизмъ въ этомъ народѣ, переходишь къ трудамъ практическаго характера Аккадіянъ, имѣвшимъ цѣлью развитіе законовъ и торговли. Халдеи питали къ закону глубочайшее уваженіе, и тѣ судебныя случаи, которые они приводятъ и на которые они любятъ ссылаться, порадовали бы любого изъ нынѣшнихъ юристовъ. Одна старинная таблица, заключающая въ себѣ нравоучительныя предписанія царямъ и относящаяся ко времени, когда еще Сиппара, Нипуръ и Вавилонъ находились подъ однимъ и тѣмъ же управленіемъ, начинается съ заявленія, что «если царь наказуетъ несообразно съ законами страны, то народъ его погибнетъ и страна сдѣлается безсильной» и что «Геа, богъ рока, поставитъ на мѣсто его другого правителя»; если же, на оборотъ, онъ не будетъ «исполнять желанія своихъ царедворцевъ, а будетъ рѣшать всѣ дѣла согласно уставамъ и книгѣ законовъ» и «писаніямъ бога Геа», то великіе боги сдѣлаютъ царство его могущественнымъ и долговѣчнымъ. Далѣе мы читаемъ въ таблицѣ, что по всему государству были назначены царскіе судьи, а въ городахъ построены тюрьмы, между тѣмъ какъ божескій судъ призывается на всякаго, кто будетъ принимать подарки, и на всѣхъ чиновниковъ, которые будутъ взимать съ народа чрезмѣрные поборы. Отъ

древнѣйшей въ мірѣ книги законовъ до насъ дошло только окончаніе, въ которомъ, впрочемъ, мы имѣемъ и текстъ аккадскаго подлинника и ассирійскій переводъ его. Изъ этого отрывка мы узнаемъ, что отъ судей требовалось ежедневное повтореніе присяги по всей вѣрности въ томъ, что они неукоснительно будутъ поступать сообразно предписаніямъ закона. Далѣе, что разъ принятый судебныя рѣшенія получали силу закона на будущее время и должны были заучиваться наизусть. Затѣмъ мы находимъ, что государство также радѣло и о рабахъ и ихъ дѣтяхъ и слѣдовательно сохраняло за собою право на собственность гражданъ, по сколько въ составъ ея входили человѣческія существа. «Если господинъ», гласитъ законъ: «будетъ убивать своихъ рабовъ, разрѣзывать ихъ на куски, наносить вредъ ихъ дѣтямъ, изгонять изъ занимаемыхъ ими жилищъ или увѣчить ихъ, то рука его должна каждый день (въ возмездіе) отмѣривать по полу-мѣрѣ ржи». Безъ сомнѣнія, наказаніе это довольно ничтожно, но уже было прогрессомъ и то, что за рабомъ признавались права, обезпечивавшія его, въ извѣстной мѣрѣ, отъ господскаго произвола. Какъ и у всѣхъ прочихъ племенъ первоначально-алтайской расы, такъ и у Аккадіянъ происхожденіе считалось по матери, а не по отцу, и поэтому первое мѣсто въ семьѣ принадлежало матери. Въ аккадскомъ текстѣ выше приведеннаго гимна, обращеннаго къ семи злымъ духамъ, говорится, что они «ни женскаго, ни мужскаго кола;» и только въ ассирійскомъ переводѣ измѣняется порядокъ, гдѣ, согласно съ возрѣніемъ Семитовъ, женщина ставится ниже мужчины. Такимъ образомъ эта стародавняя скрижаль законовъ является почтеннымъ по своей древности свидѣтельствомъ въ пользу «правъ женщинъ». Сынъ, отрекшійся отъ отца и «подтвердившій это на грамотѣ знакомъ, напараннымъ (своимъ) ногтемъ», обязывался въ наказаніе дать только обѣщаніе не повторять проступковъ и при томъ заплатить извѣстную сумму серебромъ, тогда какъ за отреченіе отъ матери предписывалось болѣе строгое наказаніе. Сыну, нарушившему по отношенію къ матери свои сыновнія обязанности, «обрѣзывались волосы, его же самаго отлучали въ городѣ отъ земли и воды и запирали въ (исправительный) домъ». Ассирійскій переводчикъ напелъ нужнымъ смягчить послѣднюю часть приговора, поэтому онъ просто прибавляетъ, что виновный подвергается из-

гнанію. Странно, что за отреченіе отъ отца назначалось такое ничтожное наказаніе, тогда какъ за отреченіе отъ сына или за нерадѣніе о немъ и отецъ и мать одинаково присуждались въ тюремному заключенію. Прелюбодѣяніе считалось однако болѣе преступнымъ со стороны женщины, нежели мужчины, вѣроятно потому, что оно вело за собою болѣе серьезные послѣдствія въ социальномъ отношеніи. Женщина, провинившаяся такимъ образомъ, бросалась за это въ рѣку, мужчина же отдѣлывался денежнымъ штрафомъ въ «польманехъ» серебра. Не смотря на все это, между нынѣшними дамами найдутся такія, которыя были бы не прочь возобновить законодательство древнихъ аккадіянъ, существовавшее 4000 лѣтъ тому назадъ, уже ради одного того закона, по которому «все то, что окружаетъ замужнюю женщину, должно обратиться въ ея собственность». Отецъ также имѣлъ право сдѣлать сына своего владѣльцемъ «дома—собственности», если только онъ самъ не жилъ въ немъ, и «часовня», которую онъ воздвигалъ въ своей резиденціи, на подобіе частныхъ часовенъ нынѣшнихъ епископовъ и знатныхъ людей, оставалась въ его полномъ неограниченномъ владѣніи. Согласно съ рѣшеніемъ, постановленнымъ вслѣдствіе процесса, часовня могла быть построена на большой дорогѣ, что напоминаетъ наши придорожныя изображенія святыхъ. Государство и церковь въ Вавилонѣ были тѣсно связаны между собою и святотатство причислялось къ самымъ ужаснымъ преступленіямъ. Авторитетъ судей также находился подъ защитой настражайшихъ наказаній, и потому за всякое неуваженіе къ судебнымъ лицамъ грозилъ денежный штрафъ или тюремное заключеніе. Большія дороги и кирпичные заводы находились подъ особымъ надзоромъ уполномоченныхъ чиновниковъ, а самая земля для облегченія сбора податей была раздѣлена на приходы. Изъ списка различныхъ влассовъ Вавилонскаго населенія, написаннаго на двухъ языкахъ, мы получаемъ нѣкоторыя свѣдѣнія о господствовавшемъ способѣ взиманія налоговъ. Сборщики налоговъ назывался по аккадски «взкатель подати», а плательщики налоговъ раздѣлялись на гражданъ и не-гражданъ. Люди, не уплачивавшіе требуемыхъ податей, значились подъ особымъ названіемъ и подвергались, конечно, строгому и скорому наказанію. Между прочими налогами платился также налогъ за пользованіе общественными дорогами и кирпичными заводами, хотя шлагбаумъ

едвали существовали. Жаль, что намъ до сихъ поръ еще съ точностью неизвѣстно, какимъ способомъ вимались подати съ народа. Позднѣе, при второй ассирійской монархіи, въ общественную казсу поступала значительная часть дани, получавшейся съ покоренныхъ государствъ. Тиглатъ-Пилезаръ II раздѣлилъ завоеванныя имъ мѣстности на сатрапіи, изъ которыхъ каждая ежегодно платила извѣстную сумму ассирійской казнѣ. Города, въ томъ числѣ и ассирійскіе, обязаны были также вносить опредѣленную сумму на общественныя издержки. Ниневія, какъ представительница Ассиріи, платила 30 талантовъ, изъ коихъ 10 шли на общіе расходы, остальные же 20 — на содержаніе флота. Съ Калахъ вималось 9 талантовъ, Ассирія же или по крайней мѣрѣ та часть ея, въ которой лежала столица, доставляла до 274 талантовъ. Кархемышъ, бывшій долгое время богатою столицею Гиттитовъ, платилъ ежегодно 100 талантовъ, Арпадъ—30 и Меггида только 15. Кромѣ опредѣленныхъ суммъ золотомъ и серебромъ, города и провинціи обязаны были доставлять еще подводы во время войны, одежду и другіе потребные предметы для солдатъ. Платежъ производился, по всей вѣроятности, при помощи вѣсовъ; по крайней мѣрѣ до сихъ поръ не найдено никакихъ признаковъ монеты ранѣе времени персидскаго царя Дарія. Не смотря на всякое отсутствіе какихъ либо денегъ, торговля велась самымъ оживленнымъ образомъ. Мы постоянно встрѣчаемъ въ астрономическихъ таблицахъ извѣстія о пониженіи или повышеніи тавсы, которое зависѣло отъ избытка или недостатка съѣстныхъ припасовъ, въ продолженіе года. Безчисленное множество черныхъ камней хранящихся теперь въ Британскомъ Музеѣ, свидѣтельствуютъ о куплѣ и продажѣ домовъ, земли и иного рода собственности, и самыя страшныя муки призывались на голову тѣхъ, кто вадумалъ бы повредить или уничтожить эти доказательства на право владѣнія. На одномъ изъ такихъ камней мы читаемъ, что земля, о которой на немъ упоминается, была подарена вавилонскимъ царемъ одному придворному поэту въ награду за тѣ стихотворенія, которыя онъ писалъ въ честь своего государя. Еще въ большемъ употребленіи, нежели эти stelae, какъ ихъ называли Аонняне, были таблицы съ частными грамотами, часто помѣщавшіяся въ глиняныхъ футлярахъ, на поверхности которыхъ были вытиснены

извлеченія изъ содержанія таблицъ. На многихъ изъ нихъ имѣлись отверстія, въ которыя продѣвались шнуры, прикрѣпленные въ папирусовымъ листамъ. Послѣдніе уже давно подверглись разрушенію, такъ же какъ всѣ остальные папирусы, на которыхъ Аккадіяне писали съ незапамятныхъ временъ. Для торговыхъ документовъ прибѣгали нерѣдко и въ менѣе прочному матеріалу; довольно часто попадаются торговые контракты и денежные обязательства, засвидѣтельствованныя нѣсколькими подписями. Въ одномъ изъ старинныхъ аккадскихъ текстовъ упоминается объ описи имущества за неуплату по векселю, тогда какъ въ другихъ говорится о продажѣ съ аукціона раба и объ отдачѣ подъ залогъ дома, поля, огорода и раба въ уплату процентовъ по сдѣланному займу. Одна изъ главныхъ причинъ, побуждавшихъ семитскихъ завоевателей заботиться объ изученіи угасшаго аккадскаго языка, заключалась не въ томъ только, что на этомъ языкѣ съ поконъ-вѣку возникли разнаго рода законодательныя формулы и техническія выраженія; но также и въ томъ, что значительная часть собственности обезпечивалась грамотами, составленными еще въ аккадскія времена, такъ что въ спорахъ о правахъ собственности безпрестанно приходилось ссылаться на грамоты, писанныя на аккадскомъ языкѣ, и поэтому знаніе аккадскаго языка на практикѣ было также необходимо, какъ въ наше время необходимо знаніе латинскаго языка.

Совершенно какъ въ наши дни, уже и въ то время семиты оказывались не равнодушны къ выгодамъ торговли; поэтому торговля занятія чрезвычайно развились между Ассиріянами, бывшими болѣе чистой семитской крови, нежели остальное населеніе Вавилоніи. Въ VII и VIII в. до Р. X. Ниневія была дѣятельнымъ центромъ торговли, а купцы ея имѣли сношенія даже съ столь отдаленными странами, какъ Индія на востокѣ и Тартессусъ на западѣ. Торговля Тира и Сидона была подорвана ассирійскими царями, дѣйствовавшими, конечно, въ интересахъ ниневійскихъ купцовъ, а завоеваніе Саргономъ Кархемыша, столицы Гиттитовъ, обезпечило Ассиріи переправу черезъ Ефратъ и главный путь, ведшій изъ Месопотаміи въ Палестину. И такъ Кархемышъ сдѣлался подъ управленіемъ одного ассирійскаго сатрапа сборнымъ пунктомъ для купцовъ всѣхъ націй, а кархемышскій «манехъ»

быть принять за единицу вѣса. Дома и разныя другія имущества продавались и отдавались на откупъ, и стараніе, съ какимъ составлялись необходимые документы относительно продажи или найма, подробности и число свидѣтельскихъ подписей во всѣхъ этихъ договорахъ способны вызвать удивленіе даже со стороны нашихъ современныхъ юристовъ. Арамейскій языкъ, употреблявшійся въ сѣверной части Сиріи, сдѣлался по истинѣ *lingua franca* тогдашней торговли и дипломатіи; ассирійскія таблицы, содержащія подобныя документы, не рѣдко сопровождались по арамейски писаннымъ извлеченіемъ, заключающимъ существеннѣйшее изъ ихъ содержанія, а равно и имена договаривающихся сторонъ. Нѣкоторые изъ этихъ документовъ чрезвычайно любопытны. Такъ на примѣръ въ одномъ изъ нихъ мы узнаемъ объ одной дѣвушкѣ, проданной ея отцемъ и братьями одной египетской дамѣ по имени Нитокриса, желавшей женить на ней своего сына Тахоса. Дѣвушка о которой идетъ рѣчь, была оцѣнена приблизительно въ 48 марокъ, но повидимому бракъ придавалъ ей цѣнности, такъ-какъ заключенный относительно ея контрактъ не могъ быть уничтоженъ какъ самой Нитокрисой, такъ и ея наследниками, изъ которыхъ трое находятся поименованными, иначе, какъ по выплатѣ 1800 марокъ. Другая таблица отъ 16 сивана или мая 692 г. до Р. X., подписанная 7 свидѣтелями, изъ которыхъ одинъ, судя по его имени—Седекія—былъ еврей, содержитъ договоръ по продажѣ дома, съ деревянными постройками и воротами, въ городѣ Ниневіи, по сосѣдству съ домами Манну-ци-акхи и Илу-итіа и съ рынкомъ, египетскому астроному, заплатившему за свою покупку одинъ «манехъ» серебра или 180 марокъ. Прежніе владельцы дома поставили на грамотѣ знакъ ногтемъ вмѣсто печати, вѣроятно, потому что по бѣдности ея не имѣли. Контрактъ былъ засвидѣтельствованъ въ присутствіи трехъ судей. Изъ другаго документа отъ 20 аба или іюля 709 года до Р. X., мы узнаемъ о продажѣ трехъ израильтянъ, совершенной, какъ предполагаетъ Опертъ, однимъ финиціаниномъ за 540 марокъ, при чемъ нарушеніе договора влекло за собой неустойку, примѣрно, въ 4600 марокъ, изъ которыхъ часть предназначалась въ пользу храма богини Истаръ въ Арбалахъ. Лѣтъ двадцать спустя, мы узнаемъ о продажѣ 7 рабовъ (между ними одинъ израильтянинъ, Госса, съ

двумя женами) за 540 марокъ; шестой свидѣтель при продажѣ отказался по неизвѣстнымъ причинамъ явиться и подписать свое имя.

На ряду съ этими торговыми контрактами, мы находимъ и другіе документы, въ которыхъ серебро, желѣзо и другіе металлическіе предметы даются въ заемъ за проценты, при чемъ должникъ въ присутствіи нѣсколькихъ дающихъ свою подпись свидѣтелей принимаетъ на себя обязательство выплачивать условленные проценты. Такъ въ одномъ случаѣ 10 секель лучшаго серебра отдаются въ заемъ по 4 процента, считая съ 3 себата или января, между 650—640 г. до Р. X.; въ условію приложены печати кредитора, должника и судей, а также и извлеченіе изъ самаго документа на арамейскомъ языкѣ; въ другихъ двухъ случаяхъ отдаются двѣ желѣзные плиты, отъ 11 сивана 676 г. до Р. X., за 30⁰%, а отъ 20 джйара 667 года 4 манеха серебра (720 марокъ) съ уплатой ежемѣсячнаго процента въ 5 секель серебромъ.

Не удивительно, что при такомъ оживленномъ переходѣ собственности изъ рукъ въ руки существовала и передача ея путемъ завѣщаній; дѣйствительно, въ подтвержденіе этого у насъ имѣется такой важный документъ, какъ завѣщаніе царя Санхериба, хранящееся нынѣ въ Британскомъ Музеѣ. Царь оставляетъ различныя сокровища, въ томъ числѣ золото, слоновую кость и драгоценные камни, на храненіе жрецамъ храма, посвященнаго божеству Небо, съ тѣмъ чтобы со временемъ все досталось его любимому сыну Ассархадону, который въ то время еще не былъ признанъ наследнымъ принцемъ. Въ этомъ завѣщаніи нѣтъ свидѣтельскихъ подписей, такъ какъ слово государя и собственная его подпись считались совершенно достаточными.

Последнее приобрѣтеніе, сдѣланное Смесомъ, состоитъ въ собраніи таблицъ, содержащихъ въ себѣ денежные весы и документы большаго банка, процвѣтавшаго въ Вавилонѣ, начиная съ царствованія Набополассара, отца Навуходоносора, до конца царствованія Дарія Гистаспа. Документы эти были найдены арабами въ глиняныхъ кувшинахъ, замѣнявшихъ въ то время наши «нестеряемые кассы». Основателемъ этой фирмы былъ нѣкто, по имени Егйби, потомки котораго продолжали это дѣло, передавая его изъ рода въ родъ въ продолженіи пяти поколѣній. Лишь только сынъ достигалъ извѣстнаго возраста, отецъ дѣлалъ его участникомъ въ дѣ-

лахъ, но самъ покидалъ занятія только тогда, когда вынуждали его къ этому старость и нездоровье. Подобно Ротшильдамъ нашего времени, фирма эта не рѣдко ссужала деньгами въ заемъ вавилонскихъ и персидскихъ царей; обширность оборотовъ фирмы и безостановочное теченіе ея дѣятельности, не смотря на взятіе Вавилона и паденіе Вавилонской монархіи, доказывается какъ множественномъ дошедшихъ до насъ ея документовъ, такъ еще въ большей мѣрѣ полнымъ порядкомъ въ ихъ непрерывной послѣдовательности. Въ числѣ этихъ документовъ найденъ банковый календарь, въ который добросовѣстно занесены всѣ праздники, а будничные дни носятъ различныя отмѣтки, въ родѣ «счастливыя», «несчастливыя», «дни пониженія» (собственно «дни плача») и т. под.

Торговый духъ семитской расы не могъ однако исполнѣ заглушить любовь къ земледѣлію, которую климатъ и почва Вавилоніи воспитали въ сердцахъ ея обитателей. Въ аккадской «книгѣ для чтенія», составленной уже Ассиріянами съ цѣлію обученія аккадскому языку, встрѣчается, между прочимъ, изрядное количество отрывковъ изъ сочиненія «о земледѣліи», по всей вѣроятности нѣсколько сходнаго съ сочиненіемъ Гезіода «Труды и дни» и съ упоминаемой у латинскихъ авторовъ книгой «объ основаніяхъ сельскаго хозяйства въ первоначальномъ Римѣ». Земледѣльцы дѣлили годъ на три времени года; они употребляли значительное число весьма разнообразныхъ земледѣльческихъ орудій. Въ одномъ изъ основныхъ правилъ упомянутаго древнаго руководства по сельскому хозяйству предписывается имъ «вспахивать поля, землю и боронить ее во время посѣва», а это обыкновенно случалось въ мѣсяцѣ адаръ т. е. февраль. Каналы и прочія сооруженія для орошенія полей были предметомъ заботливаго надзора и часто подвергались починкамъ. Огородники могли арендовать землю у болѣе богатыхъ землевладѣльцевъ, и въ одномъ мѣстѣ мы читаемъ, что арендаторъ имѣлъ право «двѣ трети всего количества возвращенныхъ имъ овощей удержать за собой, а остальную часть онъ долженъ былъ предоставить владѣльцу сада». Садъ иногда назывался огородомъ и при большей части домовъ имѣлись подобные сады. Дурныя травы и всякія хозяйственные отброски сжигались по самой лучшей методѣ. Въ хозяйственномъ обиходѣ употреблялись волю; лошади же—эти «животныя востока», какъ ихъ обыкновенно называли Аккадіяне—приберега

лись для войны и охоты. Въ «руководствѣ для земледѣльцевъ» помѣщены также нѣсколько коротенькихъ пѣсень, при помощи которыхъ аккадскіе пахари коротали время за полевыми работами. Вотъ для образца нѣкоторыя изъ нихъ: «между тѣмъ какъ подвигаются твои волны, ты улегся во ржи», или—«колѣни сгибаются, ноги не связаны, у тебя нѣтъ ничего своего и поэтому послужи мнѣ своимъ трудомъ». Въ третьей пѣснѣ говорится: «Припрятайся-ка, телка, въ коровѣ, ручки у плуга крутики, глубоко забираетъ сошникъ,— а ты знай только приподнимай»,—изъ этихъ словъ между прочимъ, видно, что Аккадіяне пользовались коровами, сверхъ доенія, и для другихъ цѣлей.

Но продолжать этотъ перечень подробностей изъ древней литературы, открытой въ недавнее время подъ мусоромъ и развалинами несуществующихъ уже городовъ Ассиріи и Вавилоніи, значило бы испытывать терпѣніе читателя. Если бы можно было составить вполне таковой перечень, то онъ образовалъ бы цѣлую энциклопедію искусствъ и наукъ болѣе обширную и заслуживающую изученія, нежели знаменитыя «Origines» Исидора Севильскаго. Вѣшняя и внутренняя жизнь первоначальныхъ Халдеевъ, изъ чванства украшавшихъ стѣны своихъ кораблей изображеніями изъ виновари, въ этой литературѣ возникаетъ передъ нами во всей своей полнотѣ. Мы въ состояніи по ней прослѣдить постепенное развитіе ихъ идей, и составить себѣ полный перечень ихъ знаній. Цивилизація, существовавшая на берегахъ Ефрата за 4000 лѣтъ до насъ, приводитъ насъ почти въ удивленіе новизною многихъ изъ ея особенностей. Литература, которую они оставили послѣ себя, чрезвычайно разнообразна и богата, будучи произведеніемъ многихъ умовъ, совидававшихъ въ продолженіе многихъ столѣтій. Правда, многое въ ней звучитъ тѣмъ-то страннымъ и чуждымъ для нашего слуха, и никогда, конечно, не займетъ въ нашей памяти и въ нашихъ симпатіяхъ того же мѣста, которое принадлежитъ литературамъ Палестины, Греціи и Рима; тѣмъ не менѣе она вполне заслуживаетъ изученія, и даже съ чисто литературной точки зрѣнія многое въ ней возбуждаетъ удивленіе. Сухіе дословные переводы новѣйшихъ ученыхъ не дадутъ намъ ни малѣйшаго понятія о силѣ и красотѣ многихъ поэтическихъ ея произведеній. Только при посредствѣ ритмической рѣчи Ветхаго Завѣта мы въ состояніи

почувствовать, на сколько аккадские гимны и легенды сходны как по языку, так и по своей мощной изобретательности, с произведениями еврейских первосвященников и пророков. Но пройдет еще много времени, прежде чем ассиролог рѣшится сдѣлать попытку передать ихъ въ надлежащей поэтической формѣ, и еще больше понадобится времени для того, чтобы ему удалось попомнить многочисленныя пробѣлы и пропуски, ослабляющіе теперь впечатлѣніе даже наилучшихъ мѣстъ. Но и помимо литературныхъ достоинствъ ея памятниковъ, письменность древнихъ Вавилонянъ неоцѣненна для исторіи и для науки о языкѣ и религіи. Культуру и преданія Аккадіянъ унаслѣдовали Семиты, передавшіе ихъ, въ свою очередь, въ собственность Грекамъ, Римлянамъ, и, черезъ нихъ, новѣйшему міру. На многое, что прежде казалось непонятнымъ въ міеологіи и религіи, теперь брошенъ яркій свѣтъ; нравы, обычаи, религіозныя воззрѣнія, происхождение которыхъ составляло до сихъ поръ загадку, теперь получили разъясненіе и стали совершенно понятны. Мы доискались, наконецъ, источника, начала цивилизаціи Западной Азіи; мы открыли первоначальныя ея истоки; географическія и естественныя условія ея происхожденія уяснились теперь для насъ во всей ихъ подлинности и полнотѣ. Первобытныя Халдеи были прежде всего литературнымъ народомъ, и мы знаемъ и судимъ о нихъ именно по сохранившимся остаткамъ литературныхъ памятниковъ, входившихъ нѣкогда въ составъ ихъ многочисленныхъ библиотекъ. Какъ и подобаетъ изобрѣтателямъ особой системы письменности, они, подобно Китайцамъ, придавали чрезвычайное значеніе дѣлу воспитанія, о которомъ, равно какъ и объ образованіи, они оказывали особенную заботливость. Я уже разъ обращалъ вниманіе читателей на тотъ фактъ, что библиотека Ассурбанипала была открыта, въ виду пользы и развлеченія, для всѣхъ его подданныхъ, и буквари, грамматики, словари и книги для чтенія, которые она въ себѣ содержала, показываютъ въ какомъ обширномъ объемѣ Ассиріяне изучали не только собственный свой языкъ, но и мертвый языкъ древнихъ Аккадіянъ. У нихъ было въ модѣ писать на этомъ послѣднемъ, совершенно какъ въ наше время иногда стараются похвастать умѣньемъ хорошо писать по латыни, и тогда, конечно, также мало стѣснялись выражать свои мысли по «сукхонно-аккадски», какъ въ новѣйшія вре-

мена на «кухонной латыни». Одинъ изъ вавилонскихъ цилиндрическихъ памятниковъ, найденный генераломъ де-Чеснола въ числѣ сокровищъ храма въ Куріумѣ, принадлежавшій по всей вѣроятности во времени царствованія династіи Навуходоносора, содержитъ текстъ, старающійся подражать надписямъ первыхъ аккадскихъ царей, но уже въ первомъ словѣ попадающаяся ошибка изобличаетъ писавшаго въ недостаточномъ знаніи древняго языка. Въмѣстѣ съ знаніемъ аккадскаго языка отъ образованнаго Ассирійца требовалось также знаніе Арамейскаго, получившаго въ то время значеніе «lingua franca» въ торговлѣ и дипломатіи; попадаетъ даже одинъ «рабъ-сакъ» (Rab-Sakki) или первый министръ, который, будучи посланъ Санхерибомъ противъ Гискія, обладалъ знаніемъ также и еврейскаго языка. Въ Ниневійской библіотекѣ особенно интересны грамматики и лексиконы, такъ-какъ это самыя раннія примѣры подобнаго рода произведеній; кромѣ того изъ нихъ видно, что такъ называемый Гамильтоновскій способъ обученія языкамъ употреблялся уже переписчиками Ассурбанипала. Въ этомъ, какъ и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, первая изслѣдованія свойствъ языка, также какъ и первые словари и грамматики должны быть приписаны необходимости сравненія двухъ языковъ, и Ассирійне и Семиты были вынуждены заняться изученіемъ собственныхъ языковъ потребностью въ знаніи древне-аккадскаго. Уже въ этихъ первыхъ опытахъ основныя правила семитской грамматики изложены съ достаточною ясностью и точностью, и во всякомъ случаѣ ассирійскіе грамматики, повидимому, были убѣждены въ трехбуквенномъ характерѣ (трилиттеризмѣ) семитскихъ корней. Весьма знаменательно, что ассирійское сказаніе о сотвореніи міра, принадлежащее уже къ тому времени, когда философскій умъ придалъ прежнимъ народнымъ богамъ значеніе проявленій единаго божества и выработалъ синкретическую космогонію, начинается словами: «въ то время небо еще не имѣло названія и на землѣ не записывались имена»; еще замѣчательнѣе начало другой, несравненно древнѣйшей легенды о сотвореніи міра, найденной въ Кутѣ, гдѣ говорится, «что на стелахъ еще не писали тогда, также не дѣлали никакихъ открытій, и изъ земли не возникали, по волѣ его, ни животныя, ни другія ея произведенія». Періодъ хаоса представлялся, въ этихъ преданіяхъ, временемъ, въ которое вовсе не

существовало письменности, а отличительный признак чудовищъ и великановъ, предшествовавшихъ появленію людей, составляло ихъ полное незнакомство съ книгами и просвѣщеніемъ. Такимъ образомъ первобытные Халдеи сознавали, что безъ литературы не возможна исторія.

Изъ классическихъ писателей извѣстно, что въ Вавилоніи существовали высшія учебныя заведенія; но на основаніи дошедшей до насъ туземной литературы мы въ правѣ заключить и о существованіи простыхъ школъ. Еще, можетъ быть, придетъ время, когда мы получимъ подробныя свѣдѣнія и объ этихъ школахъ и о господствовавшемъ въ нихъ преподаваніи. Въ настоящее время мы можемъ только заключать, что школы существовали по крайней мѣрѣ во всѣхъ большихъ городахъ, и въ нихъ обучали чтенію, письму и умѣнью считать, не говоря о преподаваніи мертваго аккадскаго языка, составлявшаго для Вавилонянъ то же что для насъ латинскій. Публичныя библіотеки, устроенныя и содержимыя царями, были открыты для каждаго и огромное количество заключающихся въ нихъ книгъ, также какъ и ихъ чрезвычайно разнообразное содержаніе довольно убѣдительно доказываютъ, насколько многочисленъ былъ классъ писателей и какъ велико было число читавшихъ ихъ произведенія. Тамъ, гдѣ глина служила главнымъ письменнымъ матеріаломъ, воспроизведеніе литературныхъ произведеній чрезвычайно легко и дешево, и нѣтъ надобности въ издателѣ. Изъ этого мы легко можемъ составить себѣ понятіе о народѣ этого Китая Западной Азіи, столько же ученомъ, сколько и воспитанномъ. Правдивость поговорки «ничто не ново подъ луною» — подтверждается при каждомъ новомъ открытіи, сдѣланномъ въ Вавилоніи или въ Египтѣ. Наше время не есть первый вѣкъ появившейся на свѣтъ цивилизаціи, и иное изъ новѣйшихъ открытій или улучшеній есть не болѣе какъ возобновленіе или возрожденіе того, что уже за 40 столѣтій тому назадъ было извѣстно и процвѣтало на берегахъ Тигра и Ефрата.

25894

Цѣна 50 коп.

